

МИХАИЛ ШАЛАШНИКОВ

ПОТОМКИ АБРСКИЛА

СУХУМИ—1977

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

МИХАИЛ ШАЛАШНИКОВ

R1498-445
3 - R1560-600
3

ПОТОМКИ АБРСКИЛА

~~11488-694~~
3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМИ
1977

9(C)24+9(C412)
Ш 18

Abkhazian SSR - История

М. С. Шалашников прошел интересный трудовой путь от рабочего до журналиста-профессионала. В 30-е годы он работал редактором газеты «Советская Абхазия». В своей книге воспоминаний «Потомки Абрскила» автор воссоздает картины о социалистическом строительстве в Абхазии первой пятилетки, рассказывает о встречах с известными политическими деятелями, с которыми ему приходилось встречаться.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН Грузинской ССР,
профессор
Г. А. ДЗИДЗАРЯ

12.7.13
12.3

М-622 © Издательство «Алашара», 1977

95e 90 см - 15

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В памяти каждого много личного, но есть и такое, что представляет интерес для многих современников и потомков. Конечно, можно ошибиться в отборе личного и не личного. Но все же, рискуя совершить подобные промахи, я и открываю кладовую моей памяти.

Это убеждение во мне еще больше утвердили следующие слова: «Мы, люди старшего возраста, имеем возможность по собственному опыту сравнивать прошлое и настоящее. Молодежь лишена такой возможности. О контрастах между прошлым и настоящим она знает только из книг и кинокартин, с трудом представляет ту нищету и бедность, свидетелями которых были мы. Поэтому важно воспитывать нашу молодежь так, чтобы она глубоко поняла и прочувствовала все, что довелось пережить нам, старшим — тяжкую жизнь трудящихся при царизме, нелегкие, но полные энтузиазма годы первых пятилеток, бедствия и беззаветный героизм военных лет. Обо всем этом молодежь должна знать от ветеранов, от героев труда и героев войны».

Эти слова были сказаны Л. И. Брежневым 26 июля 1973 года в Киеве при вручении Украинской ССР ордена Дружбы народов. Однако на пути их претворения в жизнь есть одно «но». Далеко не все ветераны — а автор этих строк в том числе — обладают умением рассказывать молодежи о прожитом и пережитом живо, ярко, литературно.

Пусть правдивость повествования искупит литературные огрехи!

АВТОР

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Перекрывая рев полноводной реки Кодор, шумит завод... Шумит потому, что уже работает, пилит лес, и вереницей тянутся по шоссе подводы с досками и плахами. Шумит потому, что достраивается...

Вот на этом Кодорском лесопильном заводе, в двадцати километрах от Сухума я и работал в 1930 году в распиловочном цехе на зеймеровском (обрезном) станке.

Только что заступил на вечернюю смену. Чувствую, кто-то теревит за плечо. Оказывается это председатель завкома Иосиф Акопов.

— Добрый вечер! Дело к тебе есть. Сейчас придет твой сменщик Лёня Тишин. Сдавай ему смену и — в завком. Поедем в Сухум. Тебе поручено приветствовать XII абхазскую партийную конференцию от коллектива Кодорского завода.

— Благодарю за честь. Только справлюсь ли?

— Постарайся!

Автомашина была старенькая, но бежала быстро. Не успел оглянуться, а уже Гульрипш. Однако приветствие, которое предстояло произнести, еще в голове не сложилось. Оно может быть и сложилось бы, но я был взволнован оказанной честью, чудным вечером, нахлынувшими воспоминаниями. Вспомнил, как впервые приехал в Сухум, демобилизовавшись из армии после боев на КВЖД*, как потом, отдохнув, пришел в военкомат и

* КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1929 г. империалисты организовали захват КВЖД и нападение на наши дальневосточные границы. Советские войска нанесли поражение милитаристам. Протоколом, подписанным в Хабаровске, было восстановлено статус кво.

попросил устроить на работу, сказав, что в Сибири работал на лесозаводе. А вот теперь, всего два месяца спустя, еду в Сухум, чтобы приветствовать делегатов и гостей партийной конференции.

Подъехали к зданию Государственного театра. И тут я спохватился: выступление-то так и не приготовил. Струхнул, конечно, но успокаивала торжественная взволнованность. Я чувствовал, что она породит слова, идущие от чистого сердца. Может быть выйдет не так гладко, но от души.

Нас проводили на сцену, в президиум. Сцена была убрана зеленью, транспарантами. Здесь и в зале сидело много почтенных пожилых людей. Я подумал: «Эх, а мне-то всего двадцать три года. Надо было послать кого-нибудь постарше. Ведь есть такие у нас на заводе!». Только я об этом подумал, как меня потянули за рукав спецовки. Наступил мой черёд идти на трибуну.

Председательствовавший — секретарь обкома П. Меладзе назвал мою фамилию. Я вышел к рампе и хотел краем рукава смахнуть пот со лба. Смахнул, а из-за общага посыпались опилки. Сердито глянул я на председателя завкома. Это он сказал, что нужно ехать непременно в спецовке. А в зале раздался смех. Он тут же сменился дружными аплодисментами.

Мое смущение рассеялось, когда кто-то из президиума спросил:

— А опилки-то наши, кодорские?

— Наши!

Снова раздались аплодисменты. Я заверил большевиков Абхазии, что первенец первой пятилетки — наш завод хорошо работает, набирает силу, достраивается, что у нас складывается дружный многонациональный рабочий коллектив.

Когда заседание кончилось, нас познакомили с товарищами из президиума конференции. Там были Нестор Аполлонович Лакоба, Самсон Яковлевич Чанба и другие.

Директор нашего завода Александр Габуния сказал:

— Вот он наш знаменитый Нестор, о котором ты меня спрашивал! — он кивнул в сторону Нестора Аполлоновича. Я увидел человека среднего роста. Высокий лоб. Узкие губы. Подбородок с ямочкой. Особенно запомнился мне его взгляд: сильный, пронизатель-

ный, внимательный, приветливый. Да, я не раз интересовался, потому что с первого дня приезда в Абхазию услышал об этом выдающемся большевике. Не раз по вечерам нам рассказывали о нем коммунисты, работавшие на заводе.

— Слышали о «Киаразе»? Нестор один из организаторов этой легендарной революционной крестьянской дружины. Он участвовал в освобождении Сухума от власти меньшевиков. Был заместителем председателя Военно-революционного комитета. Но первая Советская власть в 1918 г. пала. Нестор попал в Сухумскую тюрьму.

— А верно, что он бесстрашный?

— Судите сами по такому примеру. В Сухумскую тюрьму к нему пришел меньшевистский палач Валико Джугели и спросил Нестора: «А как вы поступили бы, если я попал к вам в плен?». Нестор ответил: «Мы бы вас, безусловно, расстреляли!».

— Верно ли, что его знал Ленин?

— Знал!* Летом 1920 года Нестора вызывали в Москву и назначили уполномоченным по делам Кубано-Черноморской области.

Мы были наслышаны о многих-многих случаях из жизни выдающегося сына абхазского народа, и я гордился, что вижу его рядом.

Но тут сам Нестор Аполлонович обратил внимание на меня и спросил:

— Так откуда вы приехали в Абхазию и давно ли?

Я ответил.

— Где и как устроились?

Я рассказал.

— Очень хорошо! К вам просьба: помогите нашим рабочим, пришедшим из деревни, освоить машины.

Так впервые я познакомился с Нестором Аполлоновичем Лакоба. Это было вечером, в субботу, 12 апреля 1930 года.

* * *

Прошло всего два месяца, и мне снова довелось встретиться с Нестором Аполлоновичем. Этой встрече предшествовали события, переполюшившие лесопромыш-

* См. «Правда» за 4 мая 1963.

Вот кто палач

ленные и внешнеторговые организации Закавказья. Кюндорский завод пилил лес на экспорт: для Италии и Египта. К оговоренному договором сроку должен был прийти итальянский лесовоз. За три недели до срока выяснилось, что леса подготовлено мало. Возникла угроза уплаты неустойки валютой. На заводском партсобрании я предложил остановить распиловочный цех, взять оттуда квалифицированных рабочих. Их силами отобрать из напиленного все годное для экспорта. Мое предложение не прошло. А через два дня меня вызвали на заседание бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии, где обсуждался злободневный вопрос.

— Ваше предложение — очень важное, — сказал на заседании Н. Л. Лакоба. — Нужно сделать так, чтобы не мы платили итальянцам валюту, а они — нам.

Так и было сделано. Мы получили от дирекции солидную по тем временам премию. А на следующий день сообщили, что в Тифлисе включили меня в состав делегации ехать в Швецию на заводы фирмы «Болиндер» закупать оборудование.

«Вероятно, это сделано по рекомендации Нестора Аполлоновича!» — догадывался я, но не решился спросить. Много позднее узнал, что моя догадка верна.

* * *

Одно дело — рабкор, другое дело — работник газеты. Рабкором я был и раньше, когда жил в Сибири, но о профессии журналиста никогда не мечтал. На уме была поездка на учебу, но в один прекрасный июльский вечер 1930 года этот план рухнул.

— Прощайся с заводом! — сказал секретарь обкома партии П. Меладзе. — Направляем тебя в газету «Советская Абхазия». Будешь ведать промышленным отделом.

— Но ведь я газетного дела не знаю, в газете не работал.

— А ты помнишь, что говорил Владимир Ильич Ленин? Он говорил, что никогда прежде не работал председателем Совнаркома...

Довод был, что и говорить, неотразимый.

— Товарищам сказано, чтобы тебя поучили, — добавил П. Меладзе.

И учеба началась. Не школярская, а на крутых делах второго года первой пятилетки.

Работа в газете была связана с частыми командировками. Я побывал во многих местах, познакомился с замечательными людьми, был свидетелем и радостных, и тягостных событий. Это послужило поводом для третьей памятной встречи с Нестором Аполлоновичем. Как представитель газеты я присутствовал на совещании в ЦИКе АССР Абхазии. Речь шла о делах колхозных. В конце заседания Нестор Аполлонович спросил:

— А кто из вас на днях был в колхозах?

В нарушение традиции, опережая старших, я сказал:

— Недавно я был в колхозах Саберио в Гальском районе.

Мне сказали, чтоб я не уходил после совещания.

Люди уходили один за другим. Остались лишь Нестор Аполлонович и Михаил Исламович Чалмаз — наркомзем Абхазии. Решив, что необходимость в моем присутствии, очевидно, отпала, я тоже направился к двери, но меня остановили и стали детально расспрашивать.

Я начал с успехов колхозов. Рассказал, что в округе Саберио почти все крестьяне стали колхозниками: из 1236 хозяйств — 1016 в колхозах. Назвал передовиков — Д. Табагуа, Б. Кардава, Б. Микая, К. Ахалая, К. Джикия, Олю Гурцкая... Сказал, что в этом году колхозники неплохо заработали.

— Больше или меньше единоличников? — спросил Н. Лакоба.

— Больше! Вот, например, колхоз им. Орджоникидзе. Хозяйств 545. Доход на хозяйство 400 рублей, а у единоличников 250—300. Это потому, что колхоз взялся за высокодоходные культуры.

— Какие? — поинтересовался М. Чалмаз.

— Колхоз посеял люфы девять га, чая — восемнадцать га и гектар мандарин.

— А теперь перейдем от достижений к недостаткам! — сказал Н. Лакоба. — На что жалуются колхозники?

— Из бесед с секретарем райкома Д. Тория и председателем райисполкома Я. Хабурзания...

— Они нам сами об этом расскажут, — перебил меня Н. Лакоба. — А вот вы с рядовыми саберийскими крестьянами, с колхозниками беседовали?

— Конечно! И со многими.

— Так вот, что же говорят «многие»?

— Жалуются, что плохо организован труд.

— В чем именно плохо?

— Например, сдельщина применяется только в одном виде работы — низке табака. Там она сразу дала увеличение выработки на тридцать—тридцать пять процентов.

— Слышишь, Михаил? — обратился Н. Лакоба к М. Чалмазу. — На целую треть увеличилась выработка! А на остальных работах?

— Все остальные работы разбиты по оплате на четыре категории. Лучшие труженики говорят: «Работ у нас много разных. Надо по-разному и оплачивать». Еще жалуются, что нормы определяются на глаз, нормировщиков нет.

— А что говорит председатель колхоза?

— Говорит, что нет стимула работать лучше. Нужно наладить нормирование и сдельщину.

— Слышишь, нарком, чего народ ждет? — снова обратился Н. Лакоба к М. Чалмазу.

— Слышу! Нужно научить нормированию и сдельщине.

— Вот и учи. Тебя в свое время учили, а теперь ты должен учить других, — заметил Н. Лакоба. И спросил: — А партийные ячейки в колхозах как?

— С работой двух ознакомился, но мельком: собрания не было, а люди живут далеко друг от друга. К тому же коммунистов в Саберно мало: всего три члена партии и восемь кандидатов. И это на 1236 колхозных дворов!

Наступила тишина. Нестор Аполлонович смотрел в окно, а я терзался сомнениями: то ли говорю, что надо?

— А комсомольцы? — спросил Н. Лакоба.

— Есть комсомольцы, — ответил я, сдерживая улыбку.

— Что вас так развеселило?

— Да вспомнился один случай, — откровенно сказал я.

— Какой?

— В колхозе села Саберно мы спросили одного комсомольца: «Как ты поступаешь, когда колхозники тебя

В зале наступила абсолютная тишина.

А Нестор Аполлонович, отвечая на поставленный им вопрос, сказал:

— Дело в том, что мы не вырастили столько табака, сколько нужно для выполнения плана заготовок. А раз мы не вырастили, то и заготовливать нечего. Значит нужно обсуждать вопрос не о том, почему не заготовили, а о том, почему не вырастили. Вы согласны с этим? — обратился он к представителям заготовительных организаций из Москвы и Тифлиса.

Застигнутые врасплох неотразимыми доводами, представители хотя и невнятно, но ответили утвердительно.

В настроении присутствовавших на заседании произошёл перелом. Лица повеселели. А Нестор Аполлонович тут же в общих чертах рассказал о мерах, которые следовало бы предпринять для подъема абхазского табаководства.

— Вы с нами согласны? — снова спросил он заготовителей.

Те уже более внятно сказали, что согласны.

— Очень хорошо! — заключил Нестор Аполлонович. — Мы, следовательно, можем рассчитывать на то, что вы поддержите наши ходатайства по мерам для подъема абхазского табаководства?

Заготовители согласились.

Вскоре состоялось решение союзного правительства о подъеме табаководства в Абхазии. Оно вызвало радость у табаководов республики. И, конечно, все знали, кто об этом побеспокоился.

Так, вместо «разгрома» и «оргвыводов» получилось серьезное, государственное решение вопроса о табаководстве в Абхазии, дававшей значительное количество экспортной продукции нашей стране.

* * *

Был пасмурный осенний день. В Сухуме почему-то начались перебои с продажей хлеба. С утра хозяйки выстаивались в очереди у пекарни. Так продолжалось несколько дней. Очереди, как говорится, примелькались. Но вот однажды у пекарни, неподалеку от обкома партии, я обратил внимание на особенно многолюдную очередь. Подошел узнать в чем дело. И тут, среди людей,

стоявших в очереди, увидел Нестора Аполлоновича. Он стоял, как все, словно ждал своей очереди купить хлеб. Меня это удивило и заинтересовало. Нестор Аполлонович внимательно прислушивался к разговорам праждан. Некоторые женщины его узнали и стали спрашивать: «Почему начались перебой?». Он ответил, что сам хочет получить ответ на этот вопрос. Не скрою, мне захотелось немедленно позвонить в Наркомторг. И я это сделал. Когда вернулся к очереди, там шел «допрос» заведующего пекарней. Бедняга извинялся, но всю вину перекладывал на поставщиков муки.

В это время подъехали представители Наркомторга. Конечно, они смутились, когда увидели в очереди Н. Лакоба. А он сказал:

— Объясните людям: в чем дело!

Начался шумный разговор, потом страсти стали утихать. Выяснилось, что перебой в завозе муки происходит по вине какого-то чиновника. Это и вызвало очереди. Убедившись, что люди поняли причину перебоев, Н. Лакоба сказал:

— А теперь надо сделать два дела: прежде всего немедленно завезти муку, а виновника перебоев наказать постороже. Непременно наказать!

* * *

Первая пятилетка близка к концу. Многие трудности остались позади. В летопись строительства социализма трудящиеся Абхазии вписали золотые страницы. Республика становилась страной новостроек и ценных субтропических культур. Одной из новостроек был «Ткварчелстрой». Здесь издавалась многотиражная газета. Меня назначили ответственным редактором. Стал я жителем Квезани. Здесь в 1931 — 1932 годах мне не раз приходилось встречаться с Нестором Аполлоновичем. Он часто приезжал на новостройку. Вскоре меня вызвали в Сухум, в редакцию газеты «Советская Абхазия». Ответственный редактор сказал:

— В Ткварчели поедет новый редактор, а ты нужен здесь, в Сухуме. Будешь работать заместителем ответственного редактора. Входи в курс дел побыстрее, а то скоро уеду в отпуск. Опыт у тебя есть. Останешься за меня. С обкомом согласовано.

Трудна газетная работа, но еще труднее подготавливать большую пятидневную газету, заменяя ответственного редактора. Часто мне не спалось: все казалось, что где-то в номере неточности, опечатки. Однажды так и случилось. Газета была совершенно готова. При последнем просмотре уже дома обнаружилась буквенная опечатка под постановлением ЦИК АССР Абхазии. Позвонил в типографию, поручил исправить букву и печатать тираж. А утром глянул на газету и обомлел: буквенная ошибка была исправлена, но строки перепутаны — сверху шла подпись секретаря, а ниже — председателя ЦИК Н. Лакоба. А должно было быть наоборот.

Как поправить беду? Тираж уже разослан. И как нарочно, в тот день заседало бюро обкома партии, где нужно было быть. Шел и знал, что с меня строго спросят за опечатку. Когда вошел в зал, заседание еще не началось. И тут нарочно громко, обращаясь ко мне, Н. Лакоба сказал:

— Товарищ редактор! Нельзя ли сделать так, чтобы в тех случаях, когда меня перемещают по служебной лестнице ниже секретаря, этот вопрос решался бы в моем присутствии? Может быть я смог бы заступиться за себя. Возможно это или нет?

Все это было сказано в шутливой форме, с улыбкой. Я понял, что Н. Лакоба учитывает мое тягостное состояние и решил не доводить досадный случай с опечаткой до официального разбирательства. Я был благодарен ему за чуткость.

— Нестор Аполлонович! — ответил я в тон шутки. — Непременно будем извещать. Но если говорить серьезно, то нам страшно горько и на душе, по совести говоря, тяжело. Извините!

Нестор Аполлонович посмотрел на меня приветливым взором. Заседание бюро началось. Когда заседание кончилось, Н. Лакоба довольно строго сказал мне наедине:

— Советую вам внимательно разобраться, как могла получиться такая опечатка, по чьей вине? И принять меры, чтобы впредь подобное не повторялось.

Так учил он нас, молодых: не прощал промахов, но знал меру наказания. Чуткое отношение, знание людей помогало ему пронизательно видеть, с кого, в какой мере можно спросить или потребовать.

* * *

Ныне мало кто помнит закон от 7 августа 1931 года. Тогда было достаточно назвать этот закон, назвать дату, как всем становилось ясно, что речь идет о хищениях, о растратах. Закон стал началом яростной борьбы за сохранность социалистической собственности. Газета «Советская Абхазия» сделала тогда киновыпуск, обличавший растратчиков. Были названы имена и даны портреты. Выпуск имел шумный успех. А вскоре на заседании бюро обкома партии зашла речь о растратах и растратчиках в системе Абсоюза (союза потребительских обществ). Н. Лакоба гневно клеймил позорные явления. По ходу своей речи он спросил собравшихся:

— Почему же вора́м удается красть народное добро? Что способствует этому?

Я громко сказал: «Бесконтрольность!».

— Верно! — подтвердил Нестор Аполлонович. — Крали и будут красть, если охраны нет, контроля нет, строгого наказания виновных нет.

О, как мы, работники газеты, были благодарны Н. Лакоба. Он оказал нам неоценимую поддержку. Ведь когда на экране сухумского кинотеатра в нашем киновыпуске появились крупным планом физиономии некоторых растратчиков, а в надписях говорилось кто, где и сколько украл, то по городу и даже по республике поднялся шум, начались разговоры о том, что «газета переборщила», что «нельзя так людей позорить», что «пятно ложится на всех родственников» и т. п. Нестор Аполлонович прекрасно знал, что родственники растратчиков атакуют газету, что даже на заседании бюро обкома кой-кто из актива собирался пожурить газету. И вот все это было разом приостановлено тем, что Н. Лакоба поддержал реплику редактора газеты, хотя он даже словом не упомянул наш киновыпуск. Возможно, мы, в самом деле, немного перехватили.

* * *

Особенно памятна мне поездка в Ткварчели с Нестором Аполлоновичем в конце февраля 1932 года. После детального ознакомления со стройкой и совещания со строителями Н. Лакоба и сопровождавшие его лица отправились обратно в Сухум. Время было послеобеден-

ное. Погода стояла теплая, ясная. Кавалькада машин быстро катилась вдоль реки Гализги. И вдруг на одном из поворотов головная машина внезапно остановилась. Оказывается, ей дорогу преградили старики окрестных сел. Они обратились к Нестору Аполлоновичу с просьбой побыть у них в гостях.

— Ну, что ж! — сказал он. — Благодарим и готовы выполнить вашу просьбу.

Крестьяне очень обрадовались. Оказывается, у них все было подготовлено, и через четверть часа мы уже сидели за столами, обильно заставленными снедью и напитками. Когда садились за стол, Нестор Аполлонович указал мне место слева, неподалеку от себя.

Все шло по традиции. Тамада блистал красноречием. Шутки Нестора Аполлоновича вызывали громкий смех. Всем было приятно, что почетный гость доволен.

Мой сосед по столу пытался расколоть орех. Это ему плохо удавалось. Н. Лакоба сказал:

— Нам тоже иногда приходится колоть крепкие орехи. Вот скоро около вас построят шахты и будут добывать каменный уголь. Но ведь Ткварчели, как этот орех. Уголь лежит в середине, как ядро ореха, а вокруг скорлупа из крепкого камня. Знаете, как рабочим приходится пробивать эту скорлупу?! Это большой труд. Он гораздо труднее крестьянского. Я говорю это к тому, что нужно уважать ткварчельских рабочих, лучше снабжать их мясом, молоком, фруктами, вином. Надо лучше познакомиться и дружить с ними, ходить друг к другу в гости. Посылайте молодых работать в Ткварчели. Не бойтесь шахты!

Пир продолжался. Тосты следовали один за другим. Несколько тостов предложил Нестор Аполлонович. Это была дань уважения наиболее почетным старикам и матери хозяйина дома. А потом Нестор Аполлонович сказал по-абхазски, этот тост мне тут же стали переводить:

— Среди нас есть один русский. Это наш редактор. Вот он сидит с нами. Вы работаете на полях, а он делает газету «Советская Абхазия». Газета выходит на русском языке, но в Абхазии. Мы долго искали такого человека, который знал бы русский язык, но знал бы и наш народ, уважал и любил его. Короче: мы искали русского абхазца. И вот нашли.

Нестор Аполлонович снова указал на меня, назвав

имя и фамилию, и предложил поднять бокалы. Меня это смутило, но в то же время очень обрадовало.

Я извинился за то, что не знаю абхазского языка, сердечно поблагодарил присутствовавших, что-то еще говорил от чистого сердца — забыл что говорил, но вот уже сколько лет помню и всегда буду помнить тот вечер в абхазской деревне на полпути между Ткварчелами и Очамчирами.

Мне остается добавить, что значение госта в мою честь я не сразу понял. Когда Нестор Аполлонович назвал меня редактором, я был еще заместителем ответственного редактора газеты «Советская Абхазия». Ну, подумал я, нередко работников редакции называют редакторами. Все выяснилось две недели спустя. Бюро Абхазского обкома партии приняло два решения. Прежний ответственный редактор «Советской Абхазии» был назначен секретарем ЦИК АССР Абхазии, а я — новым ответственным редактором.

* * *

Нестор Аполлонович был радушным хозяином, остроумным, интересным собеседником, очень находчивым, тонким полемистом, разносторонне образованным человеком. Во всем этом я лишний раз убедился на одном жизненном факте.

Помню, приехал в Гагры. Выполнял поручение по проверке гагринского курорта. Узнал, что Нестор Аполлонович остановился в «Гагрипше». Нужно было с ним посоветоваться. Решил зайти. Я застал Нестора Аполлоновича в кругу гостей из Москвы. Ободренный его приглашением: «Проходите, проходите!» — я, поборов смущение, подошел к столу и поздоровался. Нестор Аполлонович представил меня гостям, а потом — гостей мне. Это были писатель Леонид Максимович Леонов, автор известной книги «Я жгу Париж» Бруно Ясенский, председатель правления Госбанка СССР Марьясин (бывший руководитель всеобуча, на недавно обнаруженном снимке — стоящий рядом с В. И. Лениным, принимающим парад всеобуча на Красной площади) и другие.

Разговор, прерванный моим приходом, возобновился. Он касался литературы отечественной и зарубежной, старой и новой, различных литературных течений и жан-

ров, подчас доходил до тонкостей, в которых я, откровенно говоря, не разбирался. А Нестор Аполлонович то подливал масла в огонь полемики, то очень мягко, тактично оспаривал некоторые точки зрения, то говорил о том, чего нехватает в нашей литературе.

Деталей не помню, но общее впечатление сохранилось. Нестор Аполлонович удивил меня, обнаружив глубокое знание жизни, наблюдательность, позволявшую ему видеть в отдельных фактах черты характерных явлений советской жизни: ее новь, героизм, пафос. Царила тишина в комнате, когда он говорил. Мы слушали и хотелось слушать. Его речь обогащала каждого. Это не было менторством, а наше внимание не было деланным, нет!

Нестор Аполлонович умел, когда нужно, пошутить, улыбнуться или переменить тему разговора. Например, Нестор Аполлонович как-то узнал, что Л. М. Леонов страстный коллекционер кактусов. Об этом зашла речь. Леонид Максимович чистосердечно признался, что хотел бы иметь кактус какого-то очень редкого вида, что в Абхазии он есть, но только в двух экземплярах. Коллекционеру было обещано желаемое. И ему, действительно, вскоре подарил этот редкий кактус.

За шесть лет совместной работы с Н. А. Лакоба я не раз поражаюсь его обширными знакомствами с деятелями культуры — отечественными и иностранными. Его светлый ум, душевная щедрость, глубокое знание жизни влекли к нему мастеров человеческих душ.

* * *

Большую радость переживала Абхазия в 1935 году. За достижения в области сельского хозяйства и промышленности республика была награждена орденом Ленина. Орден Ленина получил и глава абхазского правительства Н. А. Лакоба. Он же получил тогда орден Красного Знамени за подвиги в годы гражданской войны.

Ныне уже три ордена на знамени республики. Помню как вручался первый орден. Заместитель Председателя ЦИК СССР Г. И. Петровский в торжественной обстановке на юбилейной сессии ЦИК АССР Абхазии вручил его Н. А. Лакоба. К сожалению, ответная речь

Н. А. Лакоба мало известна. Это была клятва от имени трудящихся Абхазии на верность ленинизму.

* * *

Кто знает, какая встреча бывает последней? Мы расстаемся обычно с надеждой на следующую встречу. Огорчаемся, когда она не состоится. Так случилось со мной. Осенью 1936 года меня послали на учебу в Москву. И вдруг я узнаю, что 28 декабря скончался Н. А. Лакоба. Потом пришли газеты из Сухума, сплошь состоявшие из соболезнований со всех концов страны и из-за рубежа. В них говорилось о глубокой печали, о безмерной горечи утраты замечательного большевика, пламенного революционера.

Нет, нет! Все-таки она произошла — еще одна встреча с Нестором Аполлоновичем Лакоба. 4 мая 1963 года я увидел его таким, каким он запомнился с 30-х годов — знакомый каждой черточкой лица, всем обликом, даже шнурком от слухового аппарата. Я увидел его портрет на страницах «Правды» в статье под заголовком: «Боец ленинской гвардии». Передо мной прошли годы работы в Абхазии.

И с чувством горячей сыновьей благодарности, глубокого уважения и почтения сказал я дорогому Нестору Аполлоновичу самые душевные слова, по-русски и по-абхазски.

ДИСПАЧ*

Люди прислушивались, и на лицах у них расцвела улыбка. Казалось, что даже равнодушные ко всему буйволы в окрестных деревнях Варча и Адзюбжа и те поворачивали головы в сторону правого берега Кодора. А оттуда несся голос первенца самой первой пятилетки в Абхазии — Кодорского лесопильного завода. Гудок звал бодро, задорно. Звал работать по-новому, к новой жизни. Слегка поеживаясь от прохлады ясного весеннего утра, мы с моим другом — Акакием Джгереная, у которого я квартировал в деревне Варча, шли туда, где высились горы бревен, штабеля пиленого леса, виднелась полукруглая крыша распиловочного цеха, содрогавшегося от движения мощных машин — лесопильных рам. Ночная смена кончила работу, мы заступали в утреннюю...

— Смотри, Миха! — говорил мне Акакий. — Смотри, как идут наши на завод. Наверное, так ходят заправские рабочие. Идут точно к назначенному сроку. А ведь они вчерашние крестьяне!

— Вижу, дорогой Акакий! Вижу и радуюсь. Ты ведь тоже вчерашний крестьянин. А скоро станешь на мое место у станка. Будешь квалифицированным рабочим.

— Позвольте! — может спросить читатель из молодых. — О каком заводе вы говорите? О том, что справа от Тбилисского шоссе, если ехать от Сухуми в сторону Очамчир?

* Диспач — вознаграждение, уплачиваемое судовладельцем грузовладельцу за досрочное выполнение последним погрузки и выгрузки судна.

— Да, о нем!

— Но, простите, есть ли о чем говорить — заводик невзрачный, совсем небольшой?

— А вы были здесь в самом начале первой пятилетки? — спросил бы я тогда в свою очередь. — Вы должны понять, что, этот, как вы сказали, невзрачный заводик — реликвия. Вот слушайте!

* * *

Не сбылась фантазия Г. Уэллса — до сих пор человечество не имеет машины времени. Что ж! попробуем обойтись без нее. Представим себе то самое время, когда впервые за годы Советской власти в долине Кодора раздался заводской гудок. Вот — смотрите! — мимо нас промчалась электричка. А тогда об этом только мечтали. На территории Абхазии еще не было ни одного километра железнодорожных путей. До ближайшей станции нужно было ехать либо на юг — до Ахал-Сенаки, либо на север — до Адлера. Когда стало известно, что где-то около Зугдиди показался первый паровоз, что на очереди постройка участка железной дороги до города Гали, молодежь даже песню сложила.

Ни Ткварчельской тепловой, ни Сухумской гидроэлектростанции не было. Маломощные станции едва-едва справлялись с освещением Сухума, Гагр, Нового Афона. Временами лампочки горели вполнакала. Свет выключали рано. Об уличном освещении того времени Н. А. Лакоба остроумно сказал: «Нам предлагается ограничиться одной только луной».

Да, тогда уже начинался «Ткварчелстрой». Но ведь это было начало самой первой пятилетки! Теперь кого удивишь даже большим заводом? А тогда гудок даже невзрачного, небольшого завода согревал наши души большой радостью.

— Вижу, что вы слушаете меня внимательно, не равнодушно, а теперь я хочу вас послушать. Скажите, велика ли разница между Магнитогорским комбинатом, который тогда строила вся страна, и Кодорским заводом, который строила Абхазия?

— Ну, это и сравнивать нельзя: разница огромная!

— А почему «нельзя сравнивать»? Разве нет сходства? Конечно, Магнитогорский гигант имел значение

для всей страны. Он оживил и принес новую жизнь многим тысячам крестьян Урала и Приуралья. Он был символом созидательной мощи нашей страны, взявшей за первую пятилетку, неизбежный провал которой пророчили наши враги. Ну, а Кодорский завод: разве он не имел значения для всей Абхазии? Разве он не разбудил сотни крестьянских семей, пребывавших в дреме патриархальных нравов и обычаев? Разве он не вывел на новый путь жизни многих крестьян, ставших рабочими? Конечно, в масштабах разница огромная. Но не настало ли время показать молодым «местные Магнитки» вроде «невзрачного» Кодорского завода? Ведь здесь рождалось то же самое, что восхищает нас как героика, поэзия и пафос первой пятилетки по стране в целом. Согласны? Ну, тогда вернемся к «невзрачному» заводу.

* * *

О нем мало писали, мало знали, когда он строился. И многие удивились, когда увидели 19 февраля 1930 года в газете «Советская Абхазия» заставку-рисунок строящегося лесозавода и заголовок: «Кодорский завод пущен». Текст гласил: «...Работают четыре рамы. В среднем в смену обрабатывается 224 кубометра сырья. Работают 130 человек, в том числе 23 квалифицированных, обучающих остальных».

Не сразу, обычно, складывается большой трудовой коллектив. А на Кодорском заводе как-то на редкость счастливо зажили душа в душу и дружно трудились приглашенные из России, с Украины, из Грузии и молодежь из окрестных сел. Все они вместе радовались успехам, вместе одолевали трудности, а в них недостатка не было, как и по всей стране в первой пятилетке.

Например, завод пилил лес, заготовленный в верховьях Кодора. Он сплавлился по бурной реке. Бревна бились о скалистые берега. Осколки камней глубоко впивались в древесину. На лесобирже не всегда их обнаруживали. А в распиловочном цехе это приводило к тому, что вдруг раздавался лязг и грохот. Механик Никита Иванович Швецов в таких случаях кричал:

— Эй, пилоточка! Быстрее меняй постав!

Это означало, что, наткнувшись на камень, «порвался» весь постав пил — десять-двенадцать штук.

Все станки на заводе работали от электромоторов. Этим гордились электрики и нередко проявляли чрезмерную требовательность:

— Если завтра не будет триста метров кабеля, моторы останутся.

— Ты кого пугаешь? — спокойно спрашивал механик.

— Не пугаю, — оправдывался, уже немного смутившийся электрик. — Правду говорю!

— Знаю я твою правду: хочешь сказать, что кабель достать негде, иначе как у этого пропойцы из совхоза? Четвертную вымогаешь. Стыдно, Костя! Поищи кабель на нашем складе...

— Нет самозакальной стали. Приходится менять резцы по три-пять раз, пока обточишь ось для вагонетки. Беда! — жаловался бравый токарь по металлу, развеселый Антон, по прозвищу «Пряник».

— Где же достать самозакальную сталь?

— Где? — спрашивает председатель завкома Иосиф Акопов. — А кому она нужна? Антону? Все ясно! Он начнет говорить, что такую сталь можно достать только у знакомого токаря на Гагринском лесозаводе. Но мне известно, что в Гаграх живет другая «самозакальная сталь». Он для этой «стали» в воскресенье в Драндах изрядную обнову купил. Вот и не терпится ему вручить. Понятно?

Бывали трудности посложнее.

...Зашли в завком четверо.

— В чем дело? — спрашивает председатель.

— Нас в одну комнату поселяют в общежитии с Мустарбеем. Мы и думаем: удобно ли будет ему жить с нами? Он — мусульманин, а мы — крещеные, православные...

Сколько было таких разговоров!

Уж на что дружно помогал заводу Варчинский сельсовет, но и с этой стороны однажды раздался ропот: «Смотри, какие добрые нашлись: двадцать пять гектаров нашей земли прирезали заводу!». Это говорилось по поводу решения Сухумского исполкома*.

Между тем молодой завод набирал силы: работал, достраивался.

17 мая 1930 года прикатила государственная комис-

* Вскоре вместо уездных появились районные исполкомы.

сия. Она обошла лесобиржу, распиловку, склады и села писать заключение. Там были такие слова: «...комиссия считает возможным ведение на нем (т. е. на Кодорском лесозаводе — М. Ш.) эксплуатации с одновременным производством дополнительных работ. И. Брегадзе, С. Бык, Г. Арджения».

— Считай, что завод приняли! — сказал директор, вытирая бритую голову. — Доделок осталось немало, но это уже трудность номер два.

— А трудность номер один? — переспросил председатель завкома.

— Сам знаешь: лес для Италии!

* * *

Да, это была трудность номер один. Она заботила не только директора, но всех — вплоть до пожарников и сторожей.

В ту пору, о которой идет речь (лето 1930 г.), кодорцы пилили лес для Италии. И все знали, что точно в назначенный срок на рейде у устья Кодора появится итальянский корабль-лесовоз. Все знали и то, что удастся если весь лес погрузить полной мерой раньше срока — получим премию в валюте. Если недодадим хоть кубометр или опоздаем хоть на день — сами будем платить диспач валютой.

— Зачем платить? Разве леса у нас мало? Или погрузить не успеем? — спрашивали рабочие.

— Погрузить-то не штука, было бы что грузить, — объяснял инженер Данелидзе. — Мало напилено леса экспортной кондиции, маловато обработано. А для заграницы, сами знаете, лес нужно подать как конфетку: в пачках, с закрашенными торцами...

После этого разговора по заводу, как дым от костра, поплыла тревожная весть: «Диспач придется платить! Лесу для итальянцев напилили маловато! Золотом доплачивать придется! Ай, какая беда! Что делать будем?». Эта тревога захватила и крестьян-колхозников Адзюбжи и Варчи. Едва ли не впервые в жизни, привычные к заботам лишь о своем единоличном хозяйстве, они встревожились за завод, за страну, которой грозил расход золотом. Конечно, лучше жить спокойнее, но эта тревога была в целом благотворной. Об этом метко ска-

зал рамщик Ясон Кучухидзе: «Смотри, как завод учит. По-хозяйски тревожатся о заводе, о стране!»

Однажды на завод приехал представитель из Абхазского обкома партии. Он сказал, что обком решил посоветоваться с коммунистами, с рабочими завода. На лужайке у конторы началось открытое партийное собрание. Беспартийных пришло намного больше обычного. Пришли крестьяне. Конечно, говорили о лесе, об итальянцах. Разные были предложения.

— Может быть пригодится мое предложение? — сказал я.

— Какое?

— Лесу у нас напилено много. Можно вырезать из него много таких размеров, которые годятся на экспорт. Это могут определить лишь опытные люди. Предлагаю: остановить распиловочный цех, взять оттуда опытных рабочих, перетряхнуть лесобиржу, отобрать недостающий лес на экспорт.

Начался спор. Победили осторожные, побоявшиеся остановить распиловку. Однако выход так и не нашли. Представитель обкома сказал:

— Расскажу в Сухуме все, о чем говорилось на вашем собрании. А там пусть решают.

Через два дня представитель обкома приехал снова.

— Давай, давай быстрее! — торопил он меня. — Заседание бюро обкома уже идет. Потом будешь прихорашиваться. Поехали!

В Сухуме нас сразу пригласили в зал заседания. Мне не верилось, что такое почтенное собрание уделит внимание предложению рядового рабочего. Тишина воцарилась в зале, когда я рассказал, что предлагаю.

— А вы хорошо подсчитали: хватит напиленного леса для такого отбора? — спросил Н. А. Лакоба.

— Можно проверить еще раз. Но я смотрел, считал и уверен, что хватит.

Больше меня не задерживали. Довезли до завода. А через два дня поступила из Сухума команда: распиловочный цех остановить. Специалистов направить на лесобиржу и так далее.

На заводе наступили горячие дни.

Сейчас, когда уже стало обычным соревнование, полезно вспомнить, как оно начиналось. В газете «Советская Абхазия» 10 июля 1930 года появилась шапка:

«Равняйся по энтузиастам Кодорского лесозавода!» Под ней шел текст: «Желание сдать первую партию экспортного пиломатериала в пять тысяч кубометров охватило всех рабочих Кодорского лесозавода. Дожди помешали выполнить работу в рабочие дни. Решили использовать дни отдыха. 25 июня на общем заводском собрании рабочие заявили: «Лес нужно дать во что бы то ни стало. На работу выйдем все». 26 июня завод работал полным ходом в две смены. 150 человек подготовили к сдаче 320 кубометров пиломатериала. Рабочие распиловочного цеха и биржи сырья отказались от двойной оплаты и работали за обычную поденную.

Коллектив Кодорского завода вступил в социалистическое соревнование с работниками Гагринского лесозавода.

* * *

На складе с двух смен перешли на три. Электрики установили прожекторы. Стало светло, как днем.

— Смотри-ка, электрики-то и кабель нашли! — заметил механик. — И до них дошло.

Однажды на склад пришла группа женщин.

— Чего вам, красавицы? — озорно, но ласково спросил рамщик Гиви Кучухидзе.

— Может быть наша помощь нужна? — несмело спросили женщины.

— А чего вы можете делать? Идите-ка лучше домой. Без вас управимся.

— Зачем гонишь, Гиви? Пусть помогут! Пусть принесут холодного вина по кувшину на каждого.

— Ого-го! Вот это придумал!

А женщины и в самом деле принесли три больших кувшина с холодным вином.

Люди трудились днем и ночью, но тревога росла. Никто не звал, но по вечерам стали собираться у конторы рабочие, окрестные крестьяне. Спрашивали о выработке, думали: чем помочь делу, не видно ли итальянского лесовоза. Приходили дети.

Однажды стайка мальчуганов пришла к штабелю, где мы работали, забеливали торцы.

— Смотрели, не видно! — сказал мальчуган.

— Чего-чего? — не поняли мы.

— К морю ходили. Смотрели. Парохода нет.

Мы обняли ребят. Еще бы! Даже они прониклись заботой, чтобы лес итальянцам отгрузить вовремя.

Мы, кадровые рабочие, отправились однажды к устью Кодора и решили точно пересчитать: сколько леса в наличии, сколько еще не хватает. Шли по варчинскому берегу молчаливые, озабоченные. Еще издали мы увидели у штабелей нашего леса автомашину и группу людей. Один из них — уполномоченный «Заклесбумпрома» И. Г. Брегадзе — встретил нас вопросом-возгласом:

— Хотите, отгадаю — зачем пришли? — Он, конечно, угадал: привела его сюда та же забота, что и нас.

— А теперь давайте считать, — сказал Брегадзе.

Считали придирчиво, с допуском лишка, чтобы хватило наверняка.

Утром на заводе и в деревнях знали, как обстоит дело.

— Не хватает только двадцать кубометров! — объявил директор завода. — Но за сегодня мы приготовим, как обычно, двадцать пять. И что же получается, друзья? Выходит, что завтра весь лес будет готов.

Все обрадовались. Не верилось, что пришедшие на недостроенный завод крестьяне, среди которых была лишь горстка квалифицированных рабочих, сумели приготовить на экспорт гору леса.

Не берусь описывать, как всколыхнула людей весть, что лес для итальянцев готов. Начался праздник. Быстро доставили из Варчи вино. Разгорелся импровизированный концерт песни и пляски. В этом народном ликовании особенно приятно было видеть, как вместе с рабочими радовались крестьяне. Радовались не личной удаче на приусадебном участке, а успеху общего, государственного дела. Это было проявление того самого коренного перелома, который переживала вся страна, вступающая в период развернутого строительства социализма по всему фронту.

Утром прибежал на завод с криком мальчуган:

— Дымит! Идет! Лесовоз!

К вечеру близ устья Кодора стал на якорь бело-сизый корабль под итальянским флагом. А на берегу его уже ждали штабеля. Началась сложная погрузка: с берега на баркас, потом на борт корабля и в трюм.

— Осторожней! Не поцарапай, не отщепни! чал надрываясь ведавший лесобиржей Александр Зурабович Ткебучава. — А то забракууют, леса не хватит.

И вот, наконец, с итальянского лесовоза приплыл на шлюпке наш представитель и громко крикнул:

— Погрузили все полностью и досрочно! Итальянцы подписали документ, по которому нам причитается диспач. Ура, товарищи!

24 июля 1930 года газета «Советская Абхазия» сообщила: «Кодорский завод. Задание на отправку экспортного леса в 5 100 кубометров выполнено на 100 процентов».

По всей Абхазии радовались этому сообщению, но особенно на Кодоре. Это было ликование советских людей, гордых тем, что выполнено задание Родины. А самое главное, все радовались, что сдержали слово — дать лес в ознаменование XVI партийного съезда.

* * *

Итальянский лесовоз ушел. Одержанная победа придала людям уверенность в своих силах, повысила в их глазах значимость коллективного труда. Можно сказать, что завод повзрослел: кончилась его юность, началось возмужание.

С тех пор, когда была перевернута эта страница первой пятилетки, вот уже более сорока лет гудит на Кодоре гудок, зовет людей к труду, к счастью.

ИЗ ПЕРВОЙ КОГОРТЫ

Среди громады домов улицы Кирова в Москве мы нашли и тот, на одном из подъездов которого табличка гласила, что квартира пятьдесят семь находится именно здесь.

По мере того, как мы одолевали три дюжины ступенек, росло нетерпение увидеть человека, чье имя стало известным всей Абхазии, всей стране, наряду с именами первых стахановцев — тружениц полей — Паши Англиной, Марии Демченко и других называлась и Уша Ахуба из колхоза им. Ворошилова села Члоу, Очамчирского района, Абхазской АССР. И вот более сорока лет спустя мы шли именно к ней.

Нас встретила радушная солидная женщина, ровесница великого Октября, со следами прожитого и пережитого на лице. Конечно, она изменилась, но нам вспомнилась она именно такой, какой мы знали ее тогда, на заре стахановского движения: живой, энергичной. Началась беседа. Уша Богозовна достала заветный пакет с документами, газетными вырезками, фотографиями и... задумалась. Было ясно, что она взволнована и ей нужно собраться с мыслями.

— Тогда, — сказала она, — только-только начали осваивать культуру чая. В нашем колхозе чайные кустики были маленькие, и мы не знали, как их обхаживать.

Приехал инструктор и сказал:

— Берите, девушки, левой рукой фартуки, а правой — собирайте верхушки веточек чайного куста и кладите в фартуки: вот и вся премудрость.

Взялись мы за фартуки, стали собирать чай. Непривычное дело двигалось медленно. Ладно, молодые спины гнулись безотказно, а ведь то и дело надо было нагибаться чуть не до земли.

Вернулась я к вечеру домой усталая и задумавшаяся. Нам объясняли, что когда мы освоим чайную культуру, страна избавится от расходов на импорт чая. «Не скоро избавится, — подумала я, — если мы будем работать так, как сегодня». Много других мыслей пришло тогда в голову. Я знала, что чай — доходная культура, что на сборе его листа можно получить высокий заработок. А какая девушка не хочет заработать на наряды? Ведь вокруг — в окрестных селениях Тхина, Отапы и других, да и в нашем колхозе было немало славных парней, по которым мы, девушки, откровенно говоря, втайне вздыхали. Думала я и о том, что мой заработок может стать и хорошим подспорьем семье. А ведь хочется, если по-настоящему любишь и уважаешь родителей, сделать им приятное. Но тут же я возвращалась к мысли, что труд на чайной плантации утомителен, однообразен, кропотлив.

Что же предпринять?

Ответ на этот вопрос я вскоре нашла. Мне хорошо помнится то ясное утро:

— Все слилось как-то вместе, — начала она, — все: и мысли о добрых молодцах, о нарядах — а мне тогда было всего восемнадцать лет! — о моих дорогих родителях, о колхозе, об Абхазии, о всей Советской стране, которую надо напоить отечественным чаем. Возник какой-то порыв к тому, чтобы сделать что-то особенно хорошее для людей, для себя.

Уша Богозовна задумалась, подбирая слова, чтобы полнее выразить волновавшие ее тогда мысли.

— Я собирала чайный лист и думала, думала. И вдруг меня словно осенило. Я спросила себя: «А почему я собираю чай одной рукой? Ведь это можно делать двумя руками. Ну, а кто будет фартук держать?». Пришла мысль собирать лист не в фартук, а в корзину. Значит нужно все время таскать с собой корзину? А может быть не таскать, а привязать ее к поясу?

Вечером после работы я пошла к соседу-турку и сказала:

— Уважаемый Киазим Турнан-оглы! Вы большой мастер плести корзины. Сплетите мне такую, чтобы я могла привязать ее к поясу и собирать в нее чайный лист.

Сосед сделал отличную корзину. Видимо, он понял

мой замысел. На следующий день я подвязала корзину к поясу и пораньше вышла в поле, чтобы попробовать, как пойдет дело. Все шло как нельзя лучше, но когда подошли другие колхозницы, поднялся шум.

Некоторые стали меня высмеивать:

— Смотрите, смотрите, какой короб она нацепила!

Пожилые женщины стали упрекать:

— Неприлично девушке так носить корзину!

Нашлись и такие, которые ругали меня. Они говорили:

— Она хочет, чтобы мы надрывались на чайном поле.

— Дома огород давно надо бы тохать, а у меня руки не доходят!

Но когда я стала выполнять по пять-шесть норм в день, критика поутихла. Некоторые девушки стали присматриваться, как я работаю. Первыми последовательницами моего почина в нашем колхозе стали Цаца Кардава, Мария Адлейба, Чучи Цвижба, Чона Сарсания. Конечно, ничего особенного я не придумала. Неодолимое стремление работать лучше, сделать больше, беречь каждую минуту рабочего времени, — с этого, вероятно, все и началось.

И Уша Богозовна стала вспоминать, как день ото дня она совершенствовала мастерство, как находила малейшие возможности увеличить сбор чайного листа. Она рассказала об этом так последовательно, содержательно, интересно и гладко, буквально без запинки, что невольно возник вопрос: «Как вы все это до сих пор помните?!».

Уша Богозовна ответила:

— Об этом я рассказывала много-много раз. Ведь после первого моего трудового рекорда появились заметки в газетах «Апсны капш», «Советская Абхазия», в тбилисских газетах. В правление нашего колхоза посыпались приглашения. Люди просили, чтобы я показала им свое мастерство. Я, конечно, стеснялась, но надо было ехать. Сначала меня послали в села Гвада, Тамыш, Атар-Абхазская, Атар-Армянская. Колхозницы этих сел сразу заинтересовались моим методом, горячо благодарили, просили, чтобы я подарила им на память мою корзину для сбора чайного листа. Потом это стало традицией. Киазим Турнан-оглы не успевал плести для меня

корзины, которые я дарила моим последовательницам. Их стало много после того, как я побывала в Ачигварском и Моквинском чайных совхозах. Вскоре пришли приглашения из Зугдиди, Чаквы, Кобулети, из других мест Грузии, где были чайные совхозы и колхозы.

В память о том времени Уша Богозовна бережно хранит отзыв директора Ачигварского совхоза Г. Чачибая. В отзыве говорится: «Как близкого труженика-чаевода, передовики Ачигварского чайного совхоза неоднократно приглашали тов. Ахуба У. Б. для обмена опытом, и она, как новатор по сбору чайного листа, давала много поучительных указаний и практически показывала, каким способом лучше и быстрее собирать сортовой чайный лист. По методу тов. Ахуба У. Б. в нашем совхозе выросло много стахановцев (грузин, абхазцев, армян, русских) — новаторов и маяков нашего совхоза, которые самоотверженно борются за общий подъем производства чая и рентабельность совхоза».

В 1936 году Уша Богозовна была уже общепризнанной первой стахановкой Абхазии и всей Грузии по сбору чайного листа.

И народ высоко оценил ее заслуги. В том же году она была избрана делегатом VIII Всесоюзного съезда Советов, а в 1937 году стала депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

Двумя памятными событиями в жизни знатной стахановки ознаменовался 1939-й год. В начале года она вступила в ряды Коммунистической партии, а летом — стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Здесь она получила Золотую медаль и Почетную грамоту.

Еще в довоенные годы Уша Богозовна была избрана членом ЦИК Грузинской ССР, а в годы войны — членом Абхазского обкома, Очамчирского райкома КП Грузии и секретарем первичной партийной организации колхоза им. Ворошилова.

Оживленная беседа о друзьях-товарищах и памятных встречах тех лет была прервана долгой паузой, когда наша собеседница в своих воспоминаниях дошла до времен минувшей войны.

— Памятны мне те годы, — сказала она, — очень памятны: и трагическими и светлыми воспоминаниями. На войне погиб мой муж. Всего то мы и успели прожить

вместе меньше года. В 1942 году пали смертью героев два брата: один на Ленинградском фронте, другой в Севастополе. Недавно однополчане-севастопольцы, чтя память брата, пригласили меня к себе и вручили памятный знак с надписью: «Ветерану 388-й стрелковой дивизии». Прошла уже треть века со времени этих утрат, а больно по-прежнему. Эта боль немного утихает, когда видишь, как современники ценят заслуги павших героев, как чтят память о них, как об этом заботятся партия и правительство. Что касается светлых воспоминаний, то особенно памятны три:

— В 1942-м году я из личных сбережений внесла в фонд обороны Родины сто тысяч рублей и получила за это благодарность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Потом был еще один день — июнь 1944 года. Тогда Президиум Верховного Совета СССР наградил меня орденом Трудового Красного Знамени...

— А третье?

— Третье воспоминание связано с событием, описанным вот в этих вырезках. И мы прочитали, что «7 августа 1942 года Уша Богозовна Ахуба **установила рекорд по сбору чайного листа**, собрав 2135 килограммов чайного листа».

Так ознаменовала она свое двадцатипятилетие, свое патриотическое стремление внести достойный вклад в общенародное дело: «Все для фронта! Все для победы!».

Этот рекорд, удививший современников, явился закономерным следствием неустанного совершенствования мастерства. Возьмите ту же корзину, которую сплел ей Киазим Турнан-оглы. В одной из характеристик говорится: «Тов. Ахуба У. Б. раньше всех начала практиковать сбор чая обеими руками и во время сбора чая **применять корзину с тремя отделениями для укладки чая по сортам**». Просто? Да! Этим она устранила трудоемкую операцию — разбор собранного чайного листа по сортам. Много внесла она подобных новшеств.

И вот в 1945 г. она на учебе в Москве. Успешно окончила сельскохозяйственную академию. Была удостоена еще трех правительственных наград. Живет в Москве, но неразрывная ее дружба с многочисленными друзьями-чаеводами, последователями и продолжателями ее новаторского почина.

— Вот как теперь работают, — сказала Уша Бого-

зовна, показывая в газете на снимок плантации с часе
уборочной машиной «Сакартвелო». — Однако еще не
везде такие машины можно применить. Сбор чайного
листа вручную еще необходим. Приятно сознавать, что
он значительно усовершенствован. И сравнить нельзя с
тем, с чего мы начинали. Но тем и важен почин, что он
открывает простор для совершенствования. Потому и
помнит народ Алексея Стаханова и его последователей.
Тогда, в 1935 году, они как-то сразу появились по всей
стране, в том числе и у нас, в Абхазии. Помню, что
одним из первых в Ткварчели был Николай Дмитриевич
Хунтуа, на Кодорском лесозаводе прославились Гиви и
Ясон Кучухидзе. Были и другие, которых я не знала
или забыла...

Да, были и другие стахановцы из первой когорты —
предшественники современных ударников коммунисти-
ческого труда, из числа тех, кого имел в виду Влади-
мир Ильич Ленин, когда писал, что коммунизм начина-
ется там, где появляется забота рядового рабочего и
крестьянина о лишнем пуде железа или хлеба.

КУЗНИЦА

— **Ч**то делаете, редакторы, завтра? Хотите посмотреть новую дорогу? — так обычно говорил нам в субботний день по телефону Мекти Амицба, ведавший в середине 30-х годов в Абхазии шоссейными, проселочными и иными дорогами, а также тропами и перевалами. Бодрый, энергичный, неутомимый, радушный, веселый, не знаю как еще охарактеризовать этого человека, беззаветно влюбленного в свое дело. Он сросся с дорожным делом. Болел за каждую выбоину, за каждый ветхий мостик. Но зато как он ликовал, когда в строй вступали новые километры благоустроенных дорог. Он приурочивал их открытие к выходным дням. И это был его отдых: порадоваться вместе с жителями придорожных деревень и поселков победой над бездорожьем. А оно, это бездорожье, в те годы еще господствовало во многих местах Абхазии. Население целых деревень и сельсоветов оставалось отрезанным от торговых центров и приморских рынков. И мы догадывались, что неспроста Мекти любит дорожное дело. Это шло у него от любви к людям, труженикам, от заботы о их благосостоянии.

Мы, журналисты, пользовались поездками Мекти не без корысти. Своего транспорта у нас не было.

— Хотим, хотим посмотреть, дорогой Мекти! — так обычно отвечали мы на его приглашение. — Ты заедешь за нами на своем «форде»?

— Конечно, как всегда. После обеда, часа в четыре. А то жарко будет!

И ровно в четыре — хоть часы по нему проверяй! — Мекти был у нас, в доме по улице Фрунзе, где тогда помещались редакции газет «Апсны капш» и «Советская Абхазия».

— Куда едем сегодня, Мекти?

— На этот раз едем через Тамыш в сторону Джерды. Там я покажу вам кое-что интересное, особенно тебе, — сказал Мекти, обратившись ко мне. Он знал, что я интересуюсь стариной.

Каждый житель Абхазии представляет себе маршрут, по которому мы ехали, но не каждый знает, как он выглядел в те годы. Машину изрядно трясло на булыжной мостовой, и мы блаженствовали, когда катили по редким участкам исправного асфальта. У моста через Беслетку обогнали два фаэтона. Они были полупустые. Кучер первого фаэтона, погоняя заморенную лошадедку, по обычаю того времени, протяжно кричал:

— Аба Дранда, Дранда!

Он приглашал желающих ехать в Дранды.

Мы ехали втроем. Машину вел Мекти. На заднем сиденьи находились два редактора: редактор «Апсны капш» Мушни Лаврентьевич Хашба и редактор «Советской Абхазии» — автор этих строк. Впечатлений было много. Разговор не утихал. Мекти экспромтом сделал нам целый обзор истории дорожного строительства в Абхазии. Понимая, что он сел на любимого конька, мы изредка поддакивали ему, используя знакомые нам термины: брусчатка, кювет, белое шоссе, холодный асфальт...

Но вот у Тамыша он сам прервал себя и сказал:

— Здесь оно и начинается, друзья мои!

Мы увидели новенькое гравийное шоссе. Шурша гравием, «фордик» мчался до тех пор, пока не доехали до табора рабочих-дорожников.

— А теперь начинается самое главное! — интригующе сказал Мекти, — смотрите...

И мы в самом деле увидели нечто необыкновенное.

У края новенькой дороги остановился блестящий, новехонький «форд». Это был представитель XX века. Он уперся зажженными фарами в какое-то ветхое строение.

— Скажи, Мекти, что это такое? Почему дорожники так почтительно остановились перед строением и не снесли его?

— Не снесли! — повторил Мекти. — Попробуй снеси! Это не так просто.

Мы подошли к постройке времен Адама. Мекти открыл ветхую дверь. Мы увидели горн, чурбан с нако-

вальней. Все это было покрыто слоем воска. Кой-где были видны огарки недавно горевших свечей.

— Так что же это такое, Мекти?

— Это — кузница, но не простая, а священная. По преданию, которое живет века и которому верят многие окрестные жители, здесь ковал своего коня святой Георгий Победоносец. Из года в год идут сюда паломники. Посмотрите, какой толстенный слой уже окаменевшего воска накопился на наковальне. Это воск от свечей многочисленных богомольцев. Эта кузница — местная святыня...

— И, видимо, очень давняя. Ведь говорят, что культ Георгия Победоносца при насаждении христианства в Абхазии сомкнулся с культом быка — символом скотоводческого культа Ельрных?

Подтвердив, что кузница в самом деле очень старая, Мекти от разговора о культах уклонился, заявив: «Я с богами давно не в ладах!».

— Так вот эта самая «святыня», — продолжал Мекти, иронически подчеркнув слово «святыня», — мешает нам строить дорогу дальше. Шоссе до кузницы довели и стоп. Объехать кузницу нельзя: слева отвесная стена горы, справа — река. Для шоссе нужно шесть-восемь метров самое малое, а тут тропа еле-еле вьется. По ней вьюками и таскают жители трех сельсоветов тюкованный табак. Они многое могли бы вывезти на рынки, но дороги нет.

— Тогда давай, Мекти, передвинем кузницу, пока никого нет. Нас трое. Используем твой «фордик» вместо тягача?

— Попробуй, тронь! Ого-го что начнется. Старухи глаза нам выцарапают.

— Надо с народом поговорить.

— Говорили три раза. Три раза решали: одна половина «за», другая — «против» того, чтобы трогать кузницу. Третий год переубеждаем друг друга. А мне нужно переводить моих дорожников в другие места. А потом опять тащи сюда катки, людей.

Мекти махнул рукой, зло глянул на кузницу.

* * *

Прошло много лет. В иной компании ехали мы по тому же маршруту.

— Вот и Тамыш! — сказал водитель.

Мы повернули налево, и я увидел прекрасное асфальтированное шоссе. Самой кузницы не было и в помине.

— Ну! Ее давно убрали, — сказал мой попутчик, пожилой мужчина с медалью «За оборону Кавказа». — Однако кузницу помнят. Особенно в Джгерда, где я раньше жил. И это объяснимо. Ведь около Джгерд, в местности Кечь издавна добывали железную руду. Односельчане мои гордятся, что в свое время в Джгердах работали знаменитые кузнецы — Шармат Саид, Сангулия Маткари, Ашуба Мекти, Мкьял-ипа Виктор, а в Тамыше — Анц Хындыг. Считают, что все они работали и в той старой кузнице. Вообще в глазах абхазов кузница стоит даже выше, чем церковь. У вас есть время? Вы интересуетесь кузнечным делом или стариной?

— Преимущественно стариной!

— Тогда вам, конечно, известны культы богов, связанные с кузнечным делом, — продолжал мой спутник. — Был у греков Гефест, был у римлян Вулкан, был у русских Сварог, а у абхазов — Шашвы (Шашва-Абжьныха). Когда пришло христианство, Шашву продолжали почитать в числе семи таких святых, как Георгий Победоносец. Вот почему, по-моему, и легенда связала нашу старую кузницу с тем, что, якобы, Георгий Победоносец ковал там своего коня. Однако кузницы служили не только по прямому назначению. В старину в кузницах абхазы приносили очистительные присяги, давали разного рода клятвы, искали исцеления от болезней, там вершилось правосудие. Вы видели кузницу типа «ажьйру» — четырехугольную из отесанных топором бревен-кругляков. В центре помещался большой дубовый чурбан с наковальней. Рядом — горн. А по углам? По углам в старину зарывали в кузницах кувшины с вином для жертвоприношений и молений. Однако главной считалась наковальня. Она служила как бы алтарем. Как и она, священными считались молот и щипцы. Короче говоря, как видите, не просто было убрать кузницу с дороги.

Наша беседа заняла весь вечер. Уже кто-то щедрой рукой рассыпал по всему небосводу звездочки, когда мы распрощались у остановки автобуса.

КАЗАНЛЫКСКИЕ РОЗЫ

— Да! — сказал ответственный редактор, придирчиво оглядывая меня с головы до ног, чего обычно не бывало. — Вызывал по важному делу. Звонили из обкома партии. Есть важное поручение. Без преувеличения говорю: дело международного значения...

— Но ведь я не международник!

— Я тоже, но думаю, что мы с поручением справимся. Впрочем, времени в обрез, вам нужно немедленно быть в обкоме.

«Что случилось? — думал я по пути в обком. — Вероятно, что-то приятное. Иначе редактор не улыбался бы, да еще так загадочно».

Секретарь обкома сказал:

— К нам приехал почетный гость — выдающийся болгарский революционер, один из руководителей Коминтерна Василь Коларов с супругой. Остановился в санатории им. 4 марта. Сейчас приедет сюда. Поручаем тебе сопровождать его в поездке по Абхазии, показать и рассказать все, о чем спросит и что его заинтересует. Понадобится помощь — звони.

Я сразу узнал его по ранее виденным снимкам. Да, это был тот самый легендарный Василь Коларов, соратник Д. Благоева и Г. Димитрова*. Подвижная коренастая фигура. Энергичные жесты. Пристальный, волевой взгляд. И еще деловитость, судя по тому, как гость сра-

* Д. Благоев — основатель Болгарской социал-демократической партии, в которой сразу появились два течения: марксистское во главе с Благоевым и оппортунистическое (т. н. «союзисты»). Г. Димитров — один из виднейших деятелей образовавшейся в 1919 году Болгарской коммунистической партии и мирового коммунистического движения.

зу же стал обсуждать с секретарем обкома о програм-
ме пребывания в Абхазии.

Я был представлен в качестве сопровождающего. Меня смущала моя молодость. Я был вдвое моложе товарища Коларова*. Смущало и то, что я не знал абхазского языка. Но товарищ Коларов взглянул на меня так доверяюще-доброжелательно, что я сразу прибодрился. Было условлено, что вечером встретимся в санатории.

До того, как идти в санаторий, я прочитал о Коларове все, что нашлось в редакционной библиотеке. Узнал, что Василь Коларов родился в Болгарии в г. Шумен. Был учителем. Активный участник рабочего движения в Болгарии. Был одним из видных деятелей среди «тесняков»**. Профессиональный революционер, коммунист. Его знал В. И. Ленин. С 1923 года, после того, как вынужден был эмигрировать из Болгарии, живет в СССР. С 1922 года — член Президиума и Исполкома Коминтерна. С 1928 года — председатель Исполкома Крестинтерна — Крестьянского Интернационала. Он — человек много повидавший, много переживший: аресты, тюрьмы, смертный приговор буржуазного суда. Какая жизнь! Какая биография! О чем же я буду говорить вечером с товарищем Коларовым?

— Прежде всего о том, какую поездку по Абхазии он хочет совершить, — сказал ответственный редактор. — А потом непременно нужно взять у него интервью для газеты. Это обязательно.

Вот тебе и на! Я и без того был озабочен предстоявшей встречей, а тут еще интервью с деятелем международного масштаба:

— На какую же тему?

Редактор тоже призадумался, но ответил:

— В Москве продолжается процесс над Промпартией***. Вот и побеседуйте чему учит коммунистов всего мира разоблачение контрреволюционеров.

* В. Коларов родился 16 июля 1877 года.

** В 1903 г. в Социал-демократической партии Болгарии произошел раскол на «тесняков» или тесных социалистов и «широких» социалистов. Тесняки боролись за тесные, сплоченные ряды рабочей партии как авангарда болгарского пролетариата.

*** «Промпартия» (промышленная партия) — подпольная контрреволюционная шпионско-диверсионная организация верхушки буржуазной технической интеллигенции, действовавшая в СССР с 1926 по 1930 год.

* * *

В назначенное время я поднялся по длинной лестнице санатория им. 4 марта и подошел к одной из комнат второго этажа. Еще в вестибюле, оглядев себя в зеркале, я понял, почему редактор оглядывал меня, мой костюм. Поправил галстук и позвонил.

Дверь открыла супруга товарища Коларова. Я знал, что ее зовут Цветана, но не знал отчества, а без этого не решился обратиться к ней в личной форме. А она первая сказала:

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, Васил (именно так, без мягкого знака) вас ждет.

Мы встретились с товарищем Коларовым уже как знакомые.

— Дорогой товарищ Коларов! — сказал я. — Прежде всего мы рады видеть вас на абхазской земле с вашей супругой. Мне поручено договориться с вами о деталях поездки по республике: о сроках, маршруте и т. п. Коллектив же газеты приветствует вас и просит сказать несколько слов для ее читателей.

— Интервью?

— Да!

— Будет у вас интервью, — ответил товарищ Коларов. — А пока пройдемте на балкон. Погода улучшилась. Стало теплее. Ветер утих. Воздух морской, свежий. Вид красивый.

Мы вышли на балкон, с которого открывался красивый вид на Сухум и бухту.

— Тебе не холодно, старый моряк? — спросила Цветана, — может наденешь свитер? — и обращаясь ко мне, пояснила, — знаете почему я иногда называю его старым моряком? Он однажды предпринял отважное морское путешествие. Не один, а с Георгием*. Это было в 1920 году. Им нужно было быть в Москве, на II конгрессе Коминтерна. Но как попасть из Болгарии в Москву, если и через балканские страны, и через Турцию путь закрыт? Они решили плыть по морю на лодке. Представляете? И поплыли. Как они плыли, он никогда не рассказывал. Известно одно: начался шторм. Их прибило к румынскому берегу. Румынские власти их арестовали.

* С Георгием Димитровым.

Товарищ Коларов, слушавший это повествование довольно равнодушно, словно речь шла не о нем, все же добавил:

— А чем все кончилось? Почему ты не сказала, что нас вскоре освободили, потому что этого потребовали рабочие Румынии. Я им по сей день весьма признателен. Великое дело — пролетарская солидарность!

Наша беседа продолжалась. Узнав, что я уроженец Забайкалья, Коларовы сказали, что они непременно должны повидать Байкал.

— Что вам сказать для газеты? — спросил гость.

— Мы хотели бы спросить вас, какие задачи встают перед мировым революционным движением в связи с раскрытием вредительской организации в СССР.

Товарищ Коларов задумался, а потом сказал:

— Тема важная. Давайте.

Я достал блокнот. Коларов подвинул лампу поближе ко мне. Оперся локтем о колено. Наклонил голову. А потом сказал:

— Идущий в данный момент в Москве судебный процесс над контрреволюционерами имеет всемирно-историческое значение. Он является пролетарским судом не только над кучкой злостных вредителей, но и судом над международным империализмом.

Заметив, что я не владею стенографией, а торопливо записываю журналистской скорописью, Коларов стал говорить медленнее.

— Вредительство, раскрытое ГПУ, — продолжал он, — показало всему миру факт военной подготовки империалистов против СССР...

Когда я потом перечитывал строки интервью Коларова, я думал: «И все это говорилось еще в 1930 году, т. е. задолго до прихода фашистов к власти в Германии, до мятежа генерала Франко в Испании, до событий у озера Хасан и реки Халхин-Гол, до военной угрозы на Карельском перешейке, до второй мировой войны, до вероломного нападения германских фашистов на СССР».

Коларов говорил, что грозная буря негодования против поджигателей войны и их агентуры поднялась в рабочих массах многих стран, что выполнение первой пятилетки досрочно — лучший вклад в укрепление мира. Он говорил, поражая меня уменьем вглядываться в будущее и предвидеть ход событий.

Товарищ Коларов извинился и, обращаясь к супруге, сказал:

— Тебе не скучно? Мы сейчас закончим беседу и порасспросим нашего собеседника об Абхазии. Согласна?

Интервью близилось к концу. Товарищ Коларов решил завершить его мыслью, касающейся народов Закавказья, Абхазии:

— Империалисты возлагают большие надежды на национальную вражду в СССР вообще, в Закавказье в особенности. По плану интервентов, как показывает процесс «Промпартии», Закавказье должно перейти в руки нефтяных разбойников — Детердинга и других. Для народов Закавказья это означало бы двойную кабалу... Отсюда для них вытекает двойная необходимость: крепить мирное сотрудничество народов СССР и его оборону. В этом гарантия всестороннего развития народов Закавказья...

— Все! — сказал Коларов. И добавил так, чтобы мог слышать только я один. — Будет очень хорошо, если гранку интервью вы мне покажите.

— Мы свободны, Цветана! — бодро кликнул Коларов супруге. — Ты несешь нам кофе? Великолепно!..

Много лет прошло с тех пор, стерлись в памяти некоторые детали, но осталось сильное впечатление от общения с замечательными людьми из Болгарии. Коларов поразил меня масштабом видения действительности, даром предвидения, глубиной мысли, революционным оптимизмом. В то же время он поразил своими душевными качествами. Помню, как заботливо подвинул он мне лампу, понимая, что я выполняю трудное поручение. Стал диктовать. Когда увидел, что не знаю стенографии, то стал диктовать медленнее. Тактично напомнил о гранке, опасаясь, как бы я не напутал чего-нибудь в ответственном интервью. А приветливость и радушие Цветаны Коларовой были не дань формально-вежливому радушию, а само радушие.

* * *

Мы совершили несколько поездок по Абхазии. Тогда еще не было хорошего путеводителя и нас здорово выручали местные жители. Двух слов о том, кто наши

гости, было достаточно, чтобы люди рассказали все, что знали, показали все, что интересует. И, конечно, старались угостить.

В Новом Афоне гостей восхитили маслины какого-то особого посола.

В Гудаута встретился знаток Нартского эпоса. Цветана Коларова призналась, что эпос — ее страсть. Она выспрашивала, записывала, восхищалась, то и дело обращаясь к нам:

— Подумайте только, какой впечатляющий образ — всемогущая мать Сатанэй-Гуаша! Это она выковала из камня своего сына Сасрыкву? А кто был отцом остальных девяносто девяти ее сыновей? А ее прекрасную дочь Гунду украл Нарчъхоу? Кто он такой? Его имя трудно выговорить. Запишите, пожалуйста, сами, чтобы не было ошибки. А как расшифровывается имя выдающегося героя Хважарпыса — рододендровый молодец?

Каждого восхищает Нартский эпос, но Цветана Коларова была необыкновенно восхищена.

— Ты послушай, Васил! — говорила она. — У них был еще Абрскил-богоборец. Вот этот товарищ сейчас расскажет...

— Расскажи, Смыр! Ты лучше всех знаешь об Абрскиле! — подзадоривали гудаутцы своего земляка.

— Это легенда. Ей тридцать пять веков. Легенда гласит, что жила-была прекрасная целомудренная дева. И вдруг она почувствовала, что забеременела. Родился сын. Его называли Абрскил. Вырос из него богатырь. Он шутя играл стопудовыми камнями. Одним ударом разрубал эти камни своим мечом. Был у него конь — араш — и посох. Народ любил его как носителя добра и справедливости. Он освобождал людей от насильников-дэвов, мифических великанов. Научил людей добывать огонь, обрабатывать металлы. Смелый Абрскил не признавал богов, соперничал с ними. За это боги возненавидели Абрскила. Они научили ангелов, чтобы те заманили Абрскила в пещеру и приковали его к железному столбу. Ангелам это удалось. Эта пещера находится в Члоу, в Очамчирском районе. А о нем ничего не известно.

— Скажи, Смыр, что образ героя-богоборца у нас в древности позаимствовали древние греки и создали у себя миф о Прометее.

— А это прослежено, установлено? — спросила Цветана Коларова.

— Я вижу, — сказал Коларов, — мы из-за твоего фольклора ничего не увидим. — А я должен побывать в Лыхны.

Условились, что мы поедем в Лыхны, а Цветана Коларова останется со знатоками эпоса и запишет все, что успеет.

При выезде из Гудауты Василь Коларов еще раз спросил:

— Именно здесь в начале века работал фельдшером товарищ Серго Орджоникидзе?

По вопросам, которые задавал наш гость, было видно, что он читал об Абхазии. Неспроста в Лыхнах его внимание не привлекли ни руины дворца, ни старинная церковь. Он хотел скорее посмотреть Лыхнашта — площадь в центре Лыхны. Он снова попросил подтвердить, что именно эта площадь помнит вооруженные выступления крестьян в 1821 и 1824 годах, что здесь в 1866 году началось вооруженное народное восстание против царской «реформы», охватившее всю Абхазию.

— Это — священное место, — сказал товарищ Коларов, — если именно здесь восставшие крестьяне порешили выйти на вооруженную борьбу с царским самодержавием.

Вернувшись в Гудауты, мы снова оказались в сфере эпоса и фольклора.

— Знаешь, Васил, какая мысль пришла мне в голову? — сказала Цветана Коларова. — Надо найти какие-то силы, чтобы издать — том за томом — целую антологию народных эпосов разных времен и народов. Издать научно и так, чтобы издание стало достоянием всех народов — на нескольких распространенных языках. Смотри, какие перлы содержит один только Нартский эпос!

Нарты всегда правду искали,
Злого раскаяться заставляли,
С жестоким — жестоки были,
С хорошим — хороши были,
С великим — велики были,
С малым — малы были!

Сколько в их эпосе благородства, патриархальной чистоты! Ты послушай!.. И Цветана Коларова снова до-

ставала блокнот и с восхищением рассказывала то о свадебной песне Радеда, то о шуточной Наньскяра, то об излечивающей, якобы, пляску святого Витта «Атлар-чопа».

* * *

Тогда, в 1930 году, Абхазия испытывала, если так можно сказать, «нашествие» редких субтропических и диковинных технических культур. Нередко на заседаниях бюро обкома партии или Президиума ЦИК АССР Абхазии специалисты из Субтропического института демонстрировали какие-то плоды или травки. Это были еще не знакомые республике фейхоа, кинкан, люфа, рами и т. п. И так от заседания к заседанию.

Коларовы заинтересовались рассказами об этих «пришельцах» из тропических и иных стран. Было решено заехать в один из совхозов, где выращивались и перерабатывались эфирносы, — в Гульрипшский совхоз им. Ильича.

В дирекции какой-то специалист обстоятельно рассказал:

— Развитием эфирносов в Абхазии ведает трест ОМПК-Теже*. В 1927 году впервые были заложены плантации эфирносов здесь, в Гульрипше, и в Гагринском районе — в совхозе им. III Интернационала.

— У вас есть совхоз с таким названием? — спросил Коларов.

— Есть! Можем туда съездить.

— Если успеем.

— Так вот, — продолжал спец, — из всех эфирносов наибольшее распространение у нас получила герань. В этом году ее в Абхазии семьдесят га. Один гектар дает двести-двести пятьдесят центнеров зеленой массы. Думаем получить тонну парфюмерного (гераниевого) масла. Насколько это важно можно заключить из того, что урожай с гектара — 30 кило гераниевого масла! — обеспечивает стране 600 000 рублей в валюте. Это масло обладает очень ценным свойством: по запаху оно близко к розовому. Один килограмм розового масла на тонну

* Всесоюзный трест «Жиркость», ведавший парфюмерной промышленностью.

гераниевого делает ее всю, обладающей запахом роз. Для этого мы вырабатываем и розовое масло.

— Как? Откуда? — спросил Коларов.

— Мы имеем два гектара казанлыкской розы. Розовые лепестки с этих двух гектаров дают нам два кило розового масла.

— Ты слышишь, Цветана? У них есть два гектара казанлыкской розы! Они добывают розовое масло! Слышишь? — сказал внезапно возбужденный Коларов. — У вас и сейчас есть это масло? Вы можете показать нам ваши гектары казанлыкской розы? — спросил он, обращаясь к директору совхоза.

— Конечно, пожалуйста!

— Так пойдите же скорее!

В лаборатории завода Коларовым вручили по пробирке с розовым маслом. Обратившись к супруге, Коларов сказал:

— Чувствуешь, родиной пахнет?

Сначала мы не поняли, что значат эти слова.

Коларов снова несколько раз медленно вдохнул воздух, наполненный ароматом розового масла, и на наших глазах менялось выражение его лица. Оно просветлялось, озарялось большой радостью, сияло. Никто не решался помешать гостю переживать какое-то возвышенное чувство, хотя каждому не терпелось узнать в чем дело?

— Казанлык! — сказал Коларов. — Подлинный Казанлык! Чувствуешь? — снова спросил он супругу.

И тут всех нас осенила догадка. Ведь казанлыкская роза болгарского происхождения. Вот что и взволновало гостей!

— Это масло напомнило мне родину, — пояснил Коларов. Есть у нас, в Болгарии, особый райский уголок. Между Большими Балканами с севера и Малыми с юга тянется знаменитая Долина роз. Это километров семь в ширину и десятки километров в длину. Там тепло. От холодных ветров долина защищена горами. И вся она покрыта розовыми полями. Розы получили свое название от небольшого городка Казанлык. Рядом с Казанлыком расположена большая деревня Шипка. Слышали? К высшей точке Шипкинского перевала — к Орлиному гнезду — от деревни ведет дорога. Там и шла война в июле—декабре 1877 года, когда русские войска

разбили войска турецкого султана. Вот вам и казанлыкская роза!

— Хотите взглянуть на нашу розовую плантацию?

— Непременно!

— Вот они, мои родные, — сказал Коларов, перебирая стебли роз. Наши гости умолкли, охваченные воспоминаниями и думами о родине.

— Словно побывали на родине! — сказал Коларов. — Спасибо, товарищи!

Ностальгия — так называется болезнь, тоска по родине.

Это — медицинский термин. Конечно, Василь Коларов тосковал по родине, но это не была болезнь, от которой люди чахнут. Вечером, когда уже в Сухуме, в санатории мы вспоминали этот эпизод, Коларов сказал:

— Нас, коммунистов, тоска по Родине побуждает к тому, чтобы еще упорнее бороться за ее освобождение и счастье.

* * *

Я виделся с Коларовыми в конце войны. Они собирались ехать в Софию. Вспоминали поездки по Абхазии, о которой они всегда отзывались восторженно. Вспомнили совхоз им. Ильича и его плантации казанлыкской розы.

Потом я с радостью читал, что Василь Коларов стал председателем Великого Народного собрания Болгарии, а после смерти Г. Димитрова — главой правительства этой страны. Читал и думал: «Может быть там, в Болгарии, ощутив аромат казанлыкской розы, товарищ Коларов вспоминал Абхазию».

РАЗДУМЬЯ

Стою у постамента и смотрю на бюст человека, которого хорошо знал при жизни. Конечно, бюст лишь отдаленное сходство с живым человеком, лишь бледная копия даже чисто внешних черт, как бы хорошо он ни был выполнен. Это всегда так. Но это не мешает мне мысленно видеть того, чье имя значится на постаменте. Сотни эпизодов возникают в памяти. Но разве обо всем расскажешь?

Каким он был, Самсон Яковлевич Чанба?

Впервые я встретился с ним в 1930 году, 12 апреля, в субботу вечером. Это запомнилось точно потому, что встреча произошла на XII Абхазской областной партийной конференции, в Государственном театре в Сухуме. Тогда и состоялась первая беседа с Самсоном Яковлевичем. Трудно припомнить ее дословно, но хорошо помню, что был взволнован сердечностью моего собеседника. Человек почти вдвое старше меня, один из руководителей республики говорил со мной, рядовым рабочим, как с равным: серьезно, заинтересованно. Зная, что я уроженец Забайкалья, что в Абхазию приехал впервые, что многое мне ново и непонятно, Самсон Яковлевич участливо спросил:

— Привыкаете? Где поселились, как устроились?

Я ответил, что поселился в селе Варча у товарища по заводу. Живем дружно. Я учу его работать на станке, а он преподает мне мегрельский язык, знакомит с обычаями.

Самсону Яковлевичу понравилось, что дружу с местными. Подтвердил мое мнение, что в местных нравах и обычаях народ хранит много благородной патриархальной чистоты, хотя еще есть и нежелательные пережитки, а потом улыбнулся и сказал:

— Ну, вот мы и познакомились. Надеюсь, еще увидимся. Заходите, когда будете в Сухуме.

Через полгода я неожиданно стал жителем Сухума,

работником газеты «Советская Абхазия». Тогда (с 1930 по 1936 год) мы часто встречались и беседовали с Самсоном Яковлевичем, чаще всего по делам газеты, которую я редактировал. По мере того, как я узнавал о его жизненном и творческом пути, возрастало и мое уважение к нему. При мне он был Председателем ЦИК АССР Абхазии, народным комиссаром просвещения, видным общественным деятелем, писателем, поэтом. Но он неизменно оставался простым и доступным для каждого, кто искал его совета или помощи. Его знали и уважали как писателя, поэта, собеседника, человека — А. М. Горький, А. Фадеев, В. Шишков, К. Федин, В. Маяковский, С. Есенин, А. Барбюс, Л. Киацели, Г. Табидзе и многие другие.

Обычно встречи происходили в кабинете тогдашнего ответственного редактора газеты «Апсны капш» Мушни Лаврентьевича Хашба. Хашба звонил мне и говорил: «Заходи, Миха! У меня сидят Самсон Яковлевич Чанба и Дмитрий Иосифович Гулиа». Я торопился повидать уважаемых товарищей, потому что всегда дорожил их советами.

Одна из таких встреч запомнилась особенно. Она произошла в редакции газеты «Апсны капш», которую, к слову сказать, в течение ряда лет редактировал Самсон Яковлевич. Поводом для встречи послужило то, что М. Хашба получил из Москвы первые матрицы абхазского шрифта для линотипа. Это было знаменательное событие не только в истории абхазской полиграфии, но и во всей духовной жизни республики.

Я наблюдал, как бережно и внимательно рассматривал Самсон Яковлевич матрицы. Он делал это молча, но мы понимали его молчание. Он, свидетель и участник становления и развития абхазской письменности, учитель абхазского языка в дореволюционной школе в Адзюбже, один из первых абхазских поэтов, драматургов, писателей, идейный вдохновитель первой абхазской газеты «Апсны», издававшейся в годы господства меньшевиков, — сейчас держал в руках то, о чем прежде мог только мечтать — матрицы от линотипа с абхазским алфавитом. Конечно, он представлял, как быстро пойдет теперь печатное абхазское слово в школы, библиотеки, в дома горожан и сельчан.

Мы, конечно, тоже были рады и взволнованы.

Самсон Яковлевич задумался, а потом сказал:

— Событие действительно волнующее. Наша республика небольшая, но нужд у нее много. Красоты природы не должны нам мешать, чтобы видеть как еще много у нас бескультурья, малограмотности, сколько талантливых людей ждут приобщения к искусству, науке; насколько богаче, поэтичнее, красивее должна стать жизнь даже в самых далеких селах. Мы делаем пока первые шаги, но надо радоваться тому, что мы их делаем.

Он бережно положил матрицы на стол.

В то время мы часто пытались представить себе, как расцветет Абхазия в ближайшие десятилетия. Но нужно было быть большим поэтом, романтиком-мечтателем в ленинском смысле этого слова, чтобы мечтать с такой увлеченной и воодушевленной страстью, как это было свойственно С. Я. Чанба.

Сорок лет прошло с тех пор. Пламенный мечтатель ушел в бессмертие. На высоком постаменте стоит его бюст у театра. Знаменательно то, что театру присвоено имя С. Я. Чанба, автора драмы «Махаджиры», положившей начало зарождению абхазской драматургии и национального театрального искусства. Этот театр — символ осуществленной мечты. Мне вспоминаются слова моего друга по зарубежным поездкам — народного артиста СССР Акакия Алексеевича Хорава: «Теперь есть все условия для выхода абхазского национального театра в мир большого советского искусства».

* * *

Нередко бывает, что человек запоминается в связи с каким-нибудь ярким эпизодом. Так было в солнечное утро 5 мая 1934 года. Мы пригласили С. Я. Чанба принять участие в загородной маевке работников «Апсны кашы» и «Советской Абхазии» по случаю Дня печати. Не скрою, это была дань уважения и вежливости: приглашение мы передали, но не были очень уверены, что такой видный партийный и государственный деятель, занятый большой творческой работой, запросто придет к нам.

А он приехал. Именно запросто. К счастью, этот эпизод увековечил фотограф*. Наш почетный гость был ве-

* Хашба М. Л. В дни весенние (воспоминания). На абхазском языке. Сухуми, 1969, с. 238.

сел, общителен, шутил, принял участие в нашей скромной трапезе. Он ни на минуту не оставался один. Вокруг него было много людей. Он влек к себе как магнит.

Успевал отвечать всем: то серьезно, доказательно, то умело и остроумно отшучивался. И вдруг в этой атмосфере высокого уважения и почтения прозвучал вопрос:

— Верно ли, Самсон Яковлевич, что в годы владычества меньшевиков вы в газете «Апсны» выступили со статьей под заголовком «Долой большевиков!»?

Внезапная проза, буря, смерчь не вызвали бы такого замешательства, какое вызвал в нашей многолюдной компании этот вопрос.

— Какой бестактный выпад! — возмутились женщины. — Ну, мало ли кто тогда что писал. С тех пор прошли годы, десятилетие. Разве можно так грубо, так бестактно спрашивать?

— И откуда Леня такой вопрос выкопал? Разве не мог он это в другое время выяснить?

— Смотри-ка, какая ехидна: носил-носил, берег-берег, да и выпалил такую пакость!

Все были смущены. Все сочувственно переживали за нашего дорогого гостя. Поглядывали на него и недоумевали. А он был совершенно спокоен. Даже улыбался. Наступило тягостно-интригующее молчание. Ясно было, что ответ будет дан. Этого ждали все. И наш гость ответил:

— Да, статью под таким заголовком я написал и опубликовал при меньшевиках в газете «Апсны». Дело было так...

Автор переоценил бы свою память, если бы попытался дословно привести сказанное С. Я. Чанба. Поэтому достоверности ради ограничимся кратким пересказом статьи, упомянутой Самсоном Яковлевичем.

С осени 1917 и до весны 1921 года при меньшевиках в Абхазии существовал буржуазно-националистический Совет. Около этого Совета образовалась группа трудовой абхазской интеллигенции. В нее входили С. Чанба, Д. Алания и другие. Большинство этой группы примыкало к большевикам. По инициативе группы в Абхазии стала выходить первая на абхазском языке газета — «Апсны». Редактировал ее Д. И. Гулиа. Меньшевики вначале не распознали суть дела. Они думали, что это

чисто просветительская затея абхазской интеллигенции. Но газета была затеей и просветительской, и политической. Тонко используя где умелое противопоставление фактов, где прозрачный намек, где эзоповский язык, газета способствовала распространению идей большевизма. С. Я. Чанба, связанный с большевистским подпольем, был организатором антименьшевистской борьбы на страницах «Апсны». В то время в Абхазии царил меньшевистский произвол, грабежи, террор. Ходячим был лозунг: «Долой большевиков!»

Когда в своем объяснении Самсон Яковлевич дошел до этого места, наиболее проникательные догадались, в чем суть дела.

— Слава тебе, господи: ведь не зря не верилось!

— Что «не верилось»?

— Не догадываешься?

— Теперь понятно, почему «бестактный вопрос» не смутил нашего дорогого гостя!

Использовать антибольшевистский лозунг против самих же меньшевиков, обмануть бдительность их цензуры, посвятив статью разоблачению этого назойливо пропагандировавшегося лозунга, — таков был замысел автора статьи.

С. Я. Чанба тогда писал:

«Где бы вы ни были: на собраниях ли, в общественных местах, на улице — всюду слышите «Долой большевиков!». Большевиками пугают детей, женщин, крестьян, рабочих, — весь народ. В чем же провинились большевики, почему раздаются против них такие голоса? Да потому, что большевики отбирают земли у помещиков и передают их крестьянам... Большевики хотят конфисковать помещичьи, монастырские, купеческие земли и передать их безвозмездно крестьянским комитетам. Потому помещики ненавидят большевиков. «Долой большевиков!» — орут фабриканты, заводчики, купцы и подобные им люди. И есть за что им ненавидеть большевиков. Большевики стремятся передать фабрики, заводы, рудники, банки в руки трудящихся. Вот поэтому они (фабриканты, помещики, меньшевики) и призывают народ не идти за большевиками, поэтому партию трудового народа они ненавидят... За то, что большевики хотят хорошее для народ-

ных масс, враги трудового народа кричат «Долой большевиков!»*.

Невелик был тираж газеты «Апсны» в 1919 году. Мало кто мог тогда читать на абхазском языке. Но грамотные люди были, они читали ее в людных местах, и большевистская правда доходила до народа.

Смотрю на бюст и новые эпизоды возникают в памяти. Рассказывают, что Самсон Яковлевич был большим другом и активным корреспондентом газеты «Голос трудовой Абхазии». Сам знаю и помню, как часто бывал он у нас в редакциях «Апсны капш» и «Советская Абхазия». «Самсон Яковлевич первым в абхазской национальной печати заложил основы газетной публицистики, ему принадлежит заслуга в разработке на практике почти всех газетных жанров, пропагандистской статьи, корреспонденции, политического фельетона»**.

* * *

Мы жили неподалеку друг от друга и не раз встречались по воскресеньям на прогулке в районе Сухумской горы, где Самсон Яковлевич любил гулять со своим сыном. Обычно прогулки сопровождались деловыми беседами. Во время одной из таких прогулок Самсон Яковлевич сказал, что он очень рассчитывает на помощь редакторов обеих газет — «Апсны капш» и «Советская Абхазия».

— В чем? — спросил я.

— Нужно наладить выпуск газеты писателей Абхазии. Временами она выходит, временами не выходит. Нужен регулярный выпуск. Публикация произведений наших поэтов и писателей поощрит их рвение. Народ обрадуется, видя успехи своих писателей. В соседних республиках прочтут с интересом. Знаю, что до сих пор было трудно со всем: с бумагой, деньгами, с тем, что газету приходилось — и придется! — выпускать на нескольких языках. А как же! Ведь в нашей писательской организации есть абхазцы, грузины, русские, армяне, греки. И население в республике многонациональное.

* Статья С. Я. Чанба была опубликована в газете «Апсны», 1919. 19 сентября и 1 октября. Аршба Т. И журналистика была его профессией, «Советская Абхазия», 1967, 5 февраля.

** Аршба Т. И журналистика была его профессией. Указ. газ.

Я заикнулся было о трудностях, связанных с бумагой.

— Вот насчет бумаги да и, пожалуй, насчет денег вся надежда — на первых порах — на вас, редакторы. Изыщите, пожалуйста, возможности. Неужели не найдете?

Застигнутый просьбой врасплох, я не сразу ответил: «Найдем!». Осторожности ради ответил:

— Сделаем все возможное. Ответ через три дня. Согласны, дорогой Самсон Яковлевич?

В понедельник просьба была передана коллективу и администрации издательства наших газет. Она вызвала дружную поддержку. В этом, конечно, сказалось уважение печатников к Самсону Яковлевичу, которого они знали не по наслышке, а лично — каждый наборщик и печатник.

— С бумагой трудно, но найдем: выкроим из срыва, — сказал директор издательства Валентин Силович Кононенко. Только пока тираж будет небольшой. Вот уж с нового года включим писательскую газету в заявку. Думаю, что Тифлис не откажет.

— А за набором и версткой дело не станет! — так можно передать мнение Лизы Харбедия, Васи Колтухова, Коли Григорьева, Кости Яненко и других работников типографии.

Короче говоря, вскоре регулярный выпуск газеты «Советский писатель Абхазии» налажился. Под заголовком строка: Редколлегия: Старцев М., Микава Н., Канониди Ф., Чкадуа П., Фадеев А., Джидарьян А. Тексты давались на пяти языках: абхазском, грузинском, русском, армянском и греческом. Тираж не превышал 1500 экземпляров. Газету опекали советами и помощью С. Я. Чанба и Д. И. Гулиа. Жаль, что в Ленинской библиотеке в Москве хранятся лишь четыре номера (за 31 августа и 7 ноября 1934 г. и за 25 января и 4 марта 1935 г.). Об этом сожалеют не только литературоведы, но и все, кто интересуется развитием культуры в Абхазии.

Припоминаю, что когда С. Я. Чанба говорил о газете писателей Абхазии, то становилось ясным, что эта газета лишь часть обширного плана, который он тщательно обдумал. Рост общей грамотности и тогда был очевидным. Школы росли быстро. А как развиваются

в республике наука, литература, искусство? Как растет творческая молодежь? Вот что волновало Самсона Яковлевича.

Однажды я встретил его ликующим, сияющим. Переполненный радостными чувствами, он, не ожидая моих расспросов, сказал:

— Заседали в Союзе писателей. У нас уже вышло больше двадцати отдельных изданий. Создан семинар критики. На ТкварчелГРЭС и в других местах созданы литературные кружки и секции. А главное — все творчески работают!

И он рассказал, что К. Агумаа работает над историческим романом «Селым» — из жизни абхазского крестьянства в эпоху феодализма; Л. Лабахуа заканчивает стихи об участии молодежи в борьбе с меньшевиками в Абхазии; М. Саркисян заканчивает подготовку к печати сборника рассказов и собирает материалы для пьесы «Изгнанники»; С. Сангулия пишет повесть из колхозной жизни «Небо было покрыто атласом»; А. Жвания закончил историческую пьесу «Шота Руставели»; Н. Микава работает над пьесой «Раф Грей», заканчивает новеллу из комсомольского быта «С восходом солнца». О себе он скромно сказал:

— Пишу пьесу «Сейдык».

И добавил:

— Интересную повесть по материалам истории Абхазии заканчивает Дмитрий*. Смотрите, как много стало у нас писателей!

Мы часто видели его в кругу творческой молодежи, особенно писателей и поэтов. Вместе с Д. И. Гулиа они обсуждали стихи и очерки Л. Лабахуа, Д. Дарсалия, И. Папаскири и других. Характерно, что после такого разбора я никогда не видел унылых и обиженных: критика была умной и доброжелательной. Это окрыляло молодых. Они чувствовали, что любовь к родной литературе у Самсона Яковлевича велика. Он осенял ею каждого земляка, становившегося на путь литературного творчества.

Как хорошо, что записан и сохранен для истории знаменательный эпизод, раскрывающий именно эту сторону облика С. Я. Чанба!

* Дмитрий Иосифович Гулиа.

Речь идет об эпизоде, имевшем место в середине 30-х годов. Самсон Яковлевич зашел к Д. И. Гулиа и преподнес ему с автографом только что вышедшую в свет свою книгу «Сейдык» — о начале коллективизации в Абхазии, ожесточенной классовой борьбе в деревне. Д. И. Гулиа сказал:

— Это хорошая книга, Самсон! Я желаю тебе сто таких книг. Учти, каждая книга — подарок народу, и он высоко оценит твою щедрость!

Самсон Яковлевич ответил:

— Дмитрий, мое единственное желание — это верой и правдой служить абхазской литературе... Если бы я мог писать такие книги, которые нравились бы читателям, это было бы высшей наградой для меня. И еще мне хочется целиком посвятить себя литературе, воспитанию молодых писателей. Нашу литературную смену!

Мы знаем, что такая смена — и замечательная! — выросла.

Однажды заезжий писатель сказал о Самсоне Яковлевиче: «Золотой человек!» И в подтверждение своей правоты спросил: «Согласны?». Мы ответили:

— Нет!

— Почему?

— А потому, что золото, хотя и блестит, но остается самим собой. А наш Чанба не только сияет всеми цветами спектра своей замечательной души и блестит ярче всякого золота, он еще щедро наделяет каждого, кто общается с ним, с его творчеством, как бы частицей своей души, обогащает и возвышает людей. Личным примером и творчеством своим он оказывает и будет оказывать благотворное влияние. Он будет жить в самых благородных побуждениях и поступках потомков. А это — бессмертие.

Вспоминается, что Самсон Яковлевич всегда был каким-то особенно интеллигентно-деликатным, чутким, тонко чувствующим, легко ранимым. О таких людях, их облике справедливо говорят: многогранный. Но об этом, пожалуй, могут лучше рассказать те, кто рос и мужал под его благотворной опекой, кто ныне глубоко, научно изучает жизнь и творчество замечательного сына абхазского народа.

НАСТАВНИКИ

На календаре год 1934-й. Кончается рабочий день. В открытые окна с порывами легкого ветерка врывается шум оживленного людского потока улицы Фрунзе, где тогда помещалась редакция газеты «Советская Абхазия». Люди гуляют, веселятся, а в редакции обычные заботы — очередной номер. И, конечно, спешка. И телефонные звонки. Вот опять телефон.

— А кто говорит? — спросил редактор и стал слушать, становясь все более сосредоточенным.

Это из Нового Афона звонил приехавший на отдых Емельян Михайлович Ярославский — работник ЦК партии и Коминтерна.

— Емельян Михайлович, — сказал редактор, положив трубку, — отдыхает вместе с Михаилом Абрамовичем Трилиссером — заместителем народного комиссара Рабоче-Крестьянской инспекции РСФСР. Он спросил: «Ты редактор?» и добавил: «Вот мы с Трилиссером хотели бы побеседовать с тобой о газете. Можешь приехать к нам... в гости, в Новый Афон?».

Я тут же позвонил в Абхазский обком КП(б) Грузии В. К. Ладария. Секретарь обкома посоветовал ехать и побыстрее. Дал машину. Через час я входил в Дом отдыха ЦИК СССР в Новом Афоне.

Женщина в белом халате, узнав о цели приезда, приветливо сказала:

— Подымайтесь по этой лестнице наверх, в биллиардную, они там.

Трудно ли пройти две дюжины ступенек? Иногда бывает очень трудно даже для здорового человека. Так было и со мной на этот раз. Голова была полна догадок, а сердце — тревоги. Припомнились все огрехи и промахи, беды и горести молодого редактора большой

пятидневной газеты. Помню, что вошел не сразу. Летом стало от того, что постоял у свежевыкрашенной белой двери, за которой слышался стук бильярдных шаров. Но вот, преодолев смущение, постучал в дверь и тут же услышал бодрый и добрый голос:

— Заходи!

Я увидел Ярославского и Трилиссера. Увидел впервые, но сразу узнал их по фото.

Емельян Михайлович, охваченный азартом игры, на мгновение отложил в сторону кий и, взяв в руки вазу с орехами, поздоровался со мной за руку и сказал:

— Пощелкай, а мы доиграем и тогда побеседуем!

Трилиссер приветливо кивнул издали.

Я взял вазу с орехами, немного смущенный тем, что заняли меня как ребенка. Так несколько минут в бильярдной были слышны только стук шаров и щелканье орехов.

Вскоре Трилиссер, признав себя побежденным, сказал Ярославскому:

— Твоя взяла! Но я отыграюсь.

— Потом будешь отыгрываться, — сказал Емельян Михайлович. — А сейчас давай побеседуем с редактором. Видишь, он заждался.

Я встал, но тут же был усажен на стул, а собеседники подсели рядом. Много позднее, вспоминая эту встречу, я понял, почему они начали разговор не сразу о том, что их интересовало, а с того, что должно было избавить меня от смущения и скованности, развязать, как говорится, язык.

Емельян Михайлович сказал:

— Не первый раз я в Абхазии, а не могу собраться посмотреть то, что меня давно интересует, как атеиста...

— А что тебя интересует? — спросил Трилиссер.

— Многое интересует. Например, знаешь ли ты, что церковники-христиане строили свои первые храмы обычно на месте жертвенников и капищ язычников? Где построена в Париже Нотр-Дам? На месте языческого жертвенника племени древних паризиев. А София в Константинополе?

— Ну, это известно — на месте византийского христианского храма.

— А почему? Как вы думаете? — обратился Емельян Михайлович к нам обоим.

Мы пожали плечами.

— Потому, — продолжал он, — что христианство заменило у язычества много обрядов и традиций. Без них оно не могло бы укрепиться.

И увлеченный излюбленной темой, он продолжал:

— Для историков особенно интересно как, например, христианство насаждало свою веру среди народов и народностей, исповедовавших до этого различные древние верования. При этом оно утрачивало обычно свою ортодоксальность, впитывало в себя элементы языческого пантеона. Абхазия, где тысячелетиями существовали дохристианские культы, история которой сравнительно известна уже на протяжении двадцати-двадцати пяти веков, представляет уникальное место, где этот процесс можно изучать на памятниках старины — в храмах, а также в эпосе, языке и так далее.

— Думаю, что для такого изучения у тебя и нынче не хватит времени, — заметил Трилиссер. — Найдутся другие, из молодых, они и изучат.

— Молодым нужно помочь, — соглашаясь, заметил Ярославский. — Все, что относится к борьбе с религиями — дело очень важное. Вы не представляете себе, как медленно отступает религиозность даже среди научной интеллигенции. Недавно (т. е. в начале 30-х годов) американец Джемс Леуба опубликовал мировые данные, из которых явствует, что среди ученых за время с 1914 по 1933 год число верующих сократилось: среди физиков вдвое, но среди биологов и социологов — лишь на одну треть, а среди психологов — лишь на полпроцента!

— Ладно, — сказал Трилиссер. — Религия — дело важное, однако редактора мы пригласили не для разговора о религии.

— Ты прав, Михаил! Давай, редактор, побеседуем! «Ну, — подумал я, — начинается...»

Вероятно, мои наставники заметили смущение и решили, что я еще не «оттаял» для непринужденной беседы. Поэтому Емельян Михайлович стал расспрашивать о газете. Я рассказал, что счет ведем от первой советской газеты в Абхазии — от «Сухумской правды», которая выходила в 1918 году с 16 апреля по 17 мая. Потом началось временное господство меньшевиков. Накануне освобождения Абхазии от меньшевиков Ревком Абхазии организовал в Сочи выпуск газеты «Голос трудовой Аб-

хазии». Первый номер вышел 22 февраля 1921 года, после того, как 4 марта в Сухуме была восстановлена Советская власть, газету стали выпускать в Сухуме. Вскоре изменили название. Газета до 1929 года выходила под названием «Трудовая Абхазия», а затем — под названием «Советская Абхазия».

— Трудно? — спросил Емельян Михайлович.

— Что трудно? — не сразу понял я.

— Трудно вести газету?

Этот вопрос был задан таким сочувственным тоном, что я сразу «оттаял» и доверчиво рассказал о трудностях с бумагой, как медленно осиливает скромный тираж (15 тыс. экз.) тихоходная плоскочечатная машина, как трудно с шрифтами...

— Почему трудно? Можно заказать новые шрифты в московской словолитне.

— Для этого нужен гарт*, а у нас его нет. Вот и маемся.

— Приезжай через месяц в Москву. Может быть чем-нибудь смогу помочь. А еще что?

— А еще плохо отвечают на письма, которые мы рассылаем для принятия мер, очень бурно реагируют на критику.

— Но, по-видимому, это кончается безобидно?

— Покричат и уходят.

Трилиссер молчал, но внимательно слушал наш разговор. Потом он вступил в беседу:

— Вести газету всегда трудно. Но ты молодой, сил много, голова ясная. Важно, чтобы ты работал всей душой, всеми силами. Это не значит все брать на себя. Газета — дело коллективное. Работники редакции, рабкору, селькору — ее многочисленные помощники. Вас много, но возглавляет дело одна голова — редактор. К нему идут директивы партии и правительства, десятки, сотни авторов ставят перед ним множество вопросов. Все это нужно правильно понять, оценить, сообразовать. Кроме того, ты должен время от времени как бы обзирать республику и думать чего не хватает в культурной жизни, что надо наладить в работе кооперации, как показать опыт лучших людей с заводов, из колхозов, какие явления жизни республики требуют поощритель-

* Изношенный шрифт, предназначенный к переплавке.

ного показа или, наоборот, осуждения. Увязнуть в редакционной текучке проще пареной репы. Но тогда ты будешь делягой-журналистом, а не редактором большевистского покроя. Для типографских дел найди хорошего заведующего издательством. Ты говорил, что плохо отвечают на письма, на критику в газете. Надо теснее связаться с органами Рабоче-крестьянской инспекции. Я позвоню в Сухум моим коллегам. Это важно не столько для того, чтобы ловить мазуриков, сколько, как говорил Владимир Ильич Ленин, подправлять людей и делать это во-время. Ведь для нас, взявших власть в свои руки, многие дела внове: учимся, пробуем, подчас допускаем погрешности, оплошности, промахи. Если за каждый промах будем сечь людей под корень, всех пересечем. А социализм нужно строить силами тех людских масс, которые есть налицо. Ленин учил беречь кадры, бережно воспитывать, не снижая требовательности. Так-то, редактор! Согласен? Ну, вот и хорошо.

Я не только соглашался, но и мысленно благодарил за науку.

— Об этом, — продолжал Трилиссер, — особенно важно помнить в условиях Абхазии. Еще не устранены пережитки старины. Мне рассказывали: одного заденешь — весь род обидишь. Значит, нужно дело вести продуманно, тактично. Надо опасаться ранить резким словом, особенно когда дело касается людей, пользующихся родовым авторитетом или в силу возраста. На днях я перечитал письмо В. И. Ленина коммунистам Кавказа. Помнишь, как он там говорил? Всего более важно, чтобы коммунисты Кавказа поняли своеобразие их положения, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий. Владимир Ильич призывал выказывать больше мягкости, осторожности, осуществляя более медленный, более осмотрительный переход к социализму.

— А ты, редактор, не обижайся, — заключил Трилиссер. — У тебя в газете в одних только заголовках и «шапках» на всю страницу хлестких и опульных слов изрядно. Оглянись, поубавь!

Мой наставник не договорил до конца, как во мне уже зашевелилось чувство самокритичного раскаяния.

Я искренне соглашался с его советами. «Оглянись, поубавлю!» — думал я. Так и было сделано вскоре.

«Солнечный «зайчик» с пола перекочевал на стену. Потом исчез. Пришлось зажечь свет. Время шло. Орехов в вазе изрядно поубавилось. Я освоился, осмелел, почувствовал, что нахожусь в компании очень скромных людей, которые разговаривают со мной как с равным, хотя каждый из них был намного старше и, несравненно, заслуженнее меня. Мои наставники сочли уместным перейти к главной теме.

— Мы оба ежедневно читаем «Советскую Абхазию», — сказал Емельян Михайлович. — Что нам в ней нравится, скажем потом. А сейчас хотели бы спросить тебя: как ты думаешь — кто читает твою газету?

Я ответил не сразу. Сказал, что подписчиков больше десяти тысяч, что розница раскупается без остатка. Значит, тысяч пятнадцать читают. В городах больше, в деревне меньше.

— В том числе, — назидательно добавил Емельян Михайлович, — «Советскую Абхазию» читают не только в городах и селах Абхазии, но и в многочисленных санаториях и домах отдыха, куда центральные газеты приходят только на третий день*. Согласен?

— Согласен!

— А что это значит? Значит, ее читают москвичи и ленинградцы, киевляне и ростовчане, красноярцы и жители Якутска. И всем им, наряду с абхазскими новостями, хочется найти в газете то, что их всех интересует. Например, о важнейших событиях в стране. А вы очень мало об этом сообщаете. Я понимаю — дело трудное сделать так, чтобы газета была интересной и для абхазского табаковода и для донецкого шахтера, но надо к этому стремиться. Вот мы и хотели, чтобы ты об этом подумал. По-нашему мнению, кое-что можно сделать. Например, можно было бы хоть о погоде по стране сообщать, и то интересно.

— Тесновато в газете, — сказал я.

— В газете всегда тесновато, — заметил Емельян Михайлович. — Надо беречь газетную площадь. Отметать все мелкое, не представляющее общественного зна-

* Авиапочты тогда еще не было. Центральные газеты доставлялись по железной дороге.

чения. Дай-ка, Михаил, газету, которую мы отложим для разговора с редактором!

Трилиссер подал номер «Советской Абхазии».

— Вот я читаю в газете, — продолжал Емельян Михайлович, — «Плантатор села Красный Маяк А. Нароушвили... полностью закончил ломку табака. Качество табака хорошее, брака нет. Басланидзе». По-видимому, Нароушвили хороший табаковод, но столь ли уж значительно то, что он закончил ломку табака? Ведь таких табаководов в Абхазии, вероятно, сотни и тысячи. Зачем же занимать в газете место мелким фактом? Читаю дальше: «Столовая Союзтранса при гараже № 1 содержится в антисанитарном состоянии. На кухне грязно, пыльно, много мух. Качество питания неудовлетворительное. Председатель ЗРК Зантария и зав. столовой Абжаванидзе должны принять меры для улучшения работы столовой. Шишманиди». Эта заметка была бы уместна в стенгазете гаража, а не в «Советской Абхазии». Другое дело, когда в маленькой заметке содержится факт большого пропагандистского, агитационного, воспитательного значения. Помню, в самом начале двадцатых годов корреспондент «Правды» прислал из Казани трехстрочную заметку: «Сегодня в Казани на бирже труда не осталось ни одного безработного». Понимаешь, как много она говорила? Из нее явствовало, что вот уже есть в нашей стране места, где исчезла безработица — бич трудящихся, что наша страна становится первой в мире, где нет безработицы. Это же сенсация на весь мир! Вот тебе и местный факт. За этим фактом вставало воочию социальное явление огромного политического значения...

Емельян Михайлович снял очки и оглядел нас сияющим взором.

— Такие факты не каждый день найдешь, — заметил Трилиссер.

— Это верно, но речь идет о том, что факт факту рознь. Не всякий факт нужно публиковать. Надо вытеснить мелочи из газеты. Тогда будет посвободнее. Верно, редактор?

Разумеется, я был полностью согласен.

Газетная тема в беседе преобладала, но вскоре вновь всплыли дела религиозные.

— Опять ты за свое! — сказал Трилиссер Емельяну Михайловичу.

— Не за свое, а за наше! — возразил Ярославский. — Тебя впору из партии выгнать за недооценку значения борьбы с религией. Вероятно, и редактор так думает. Верно?

Я постеснялся поддакнуть. К тому же речь пошла о поездке по республике.

— Так вот, хочется мне посмотреть знаменитые старинные абхазские храмы, — сказал Ярославский. — Как думаешь, возможно это или нет? И когда?

— Когда вам удобнее!

Почувствовав, что пора прощаться, я поблагодарил за советы и пообещал всерьез обдумать их советы и предложения.

* * *

Утром в обкоме партии у первого секретаря я рассказал о встрече в Новом Афоне. Замечания о газете были признаны правильными. Вскоре мы ввели рубрику «Наши гости» — о замечательных людях, приезжающих в Абхазию. Расширили союзную информацию. Появилась сводка погоды по стране. А что касается поездки по республике, то я получил замечания:

— Как же ты не договорился точнее о поездке? «Как вам удобнее!» — это уклончивый, формально-вежливый ответ. Надо немедленно организовать поездку!

Мы позвонили в Новый Афон, Емельян Михайлович сказал, что они готовы ехать послезавтра. В тот же день вечером стало известно, что не один я заботился о поездке. Из обкома партии мне позвонили и сказали: «С вами поедет товарищ Кукба из АбНИИК*. Он кандидат наук, знает абхазский язык».

Дорогие гости встретили меня как старого знакомого. Я представил им Виктора Кукбу и шофера Гришу.

— А по какому маршруту мы поедем? — спросил Емельян Михайлович. Он достал блокнот и добавил. — Я хотел бы побывать в Гудаутах, Лыхнах, на Пицунде, в Гаграх. Это — на запад от Нового Афона. А если удастся съездить еще раз, поедем на восток.

* АбНИИК — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Ныне — Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР.

— Отлично, Емельян Михайлович! Едем в Гудауту. А остановки сделаем сначала в Гаграх, потом на Пицунде. Согласны?

— Согласен!

И наш «линкольн» покатил.

У выезда из Нового Афона Виктор, как бы ни к кому не обращаясь, сказал:

— А вот здесь Владимир Ильич Ленин участвовал в бою у Нового Афона, когда в 1921 году выгоняли меньшевиков...

Ярославский и Трилиссер недоуменно переглянулись.

А Виктор продолжал:

— Да, тогда в здешних боях с нашей стороны участвовали броневые автомобили и один из них назывался «Ленин».

Немного хмуроватый на вид, Виктор оказался замечательным спутником. Он то и дело рассказывал легенды, связанные с местами, которые мы проезжали. В Гудаутах он рассказал легенду о трагической участи влюбленных Гуда и Уты. Потом спел и перевел песню о том, как два медведя ходили за медом. Потом что-то еще... Короче говоря, он так очаровал Трилиссера, что тот едва успевал записывать рассказанное Виктором. Они сразу же подружились.

— Приморское шоссе, по которому мы едем, — сказал Виктор, — сплошные достопримечательности. Могла бы получиться интереснейшая книга, если бы описать все на пути от Ингура до Псоу. Вот слева от нас остались Бамборы. Там 24 декабря 1905 года Серго Орджоникидзе был арестован при выгрузке оружия для революционеров. А вот знаменитое место, о котором поется: «Пируют буйно Калдахвары».

Виктор рассказывал, мы слушали, Трилиссер записывал. Так приехали в Гагры.

Начали с прогулки по парку.

— А ты, Михаил, не помнишь заметку в нашей «Искре», кажется за 1903 год? — спросил Емельян Михайлович. — Помнится, она называлась «Коронованный вор...» Не помнишь? А я о ней вспомнил, глянув на вот этот дворец слева от нас. Это — бывший дворец бывшего принца Ольденбургского. В свое время царь Николай Второй пожаловал три миллиона рублей и пятнадцать тысяч десятин земли вот здесь, в Гаграх, принцу Оль-

денбургскому, который женился на сестре царя. Абхазцы лишились изрядного куска плодородной земли. Начались волнения. Вот «Искра» и заступилась за абхазских крестьян. А что сейчас во дворце?

— Народ отдыхает, — сказал Виктор.

— А где здесь древняя церковь, стоявшая в гагринской крепости?

Мы пришли на территорию бывшей гагринской крепости Абаата. Ярославский внимательно осмотрел церковь, построенную в VI—VII веках. А Трилиссера увлекла легенда об этой крепости. Он то и дело подгонял Виктора:

— Рассказывай, голубчик, дальше! Я записываю...

И он записывал, как у царя абхазов Апсха пятнадцать лет подряд новорожденные сыновья в первую же ночь исчезали из люльки; как несчастный отец с женой и свитой поселился на пустынном берегу моря; как и тут исчез младенец, похищенный Адгуром Ачба; как благородный Ачба вырастил мальчика и вернул царю Апсха; как царь роздал свое царство родственникам Ачба, сам поселился здесь, в Гаграх, и построил крепость Абаата.

Легенда понравилась всем.

— А ты послушай, что он еще знает! — сказал Трилиссер Ярославскому, но того влекла Пицунда.

У реки Бзыбь пересекли насыпь Черноморской дороги, которую тогда начали строить.

— Поворачиваем на Пицунду! — сказал шофер Гриша.

— Спасибо, спасибо! — сказал Ярославский. — Пицунда давно влечет меня как историка религий. По моим записям... — Ярославский заглянул в блокнот, — в IX веке абхазская церковь освободилась от подчинения константинопольскому патриарху.

— Совершенно верно, — подтвердил Виктор. — И существовавший до того времени севастопольский (сухумский) архиепископ стал именоваться католикосом. Он облюбовал Пицунду и сделал ее своей резиденцией. Этот католикос ведал церквями Абхазии, Западной Грузии, Черкесии и Осетии. Он поощрял церковное строительство. Тогда-то и строился Пицундский храм, который мы скоро увидим, а также храмы в Анакопии (Симона Кананита), в Мокве, Лыхны и Илори. При нем

создавались пещерные монастыри на Келасури и Мчиште.

— Вот она красотища! — воскликнул наш шофер Гриша, когда мы въехали в прекрасную сосновую рощу.

Она поныне одно из чудес Абхазии. Роща называется реликтовой, т. е. сохранившейся от древних эпох. Среди зелени виднелся старинный храм. Можно было различить следы мелиоративной системы, созданной церковниками древности. Тихо тогда было на Пицунде. Это сейчас она — место отдыха многих тысяч трудящихся. А тогда на пустынном берегу одиноко торчал маяк. Шумели красавицы-сосны, колеблемые полуденным ветерком. А Ярославский все допытывал и допытывал Виктора, засыпал его вопросами.

* * *

Потом была у нас поездка на восток, вернее на юг. Довольный первой поездкой, Ярославский говорил:

— Это не поездка, а клад — полный блокнот записей!

Виктор снова рассказывал об эпосе, о древних храмах, особенно интересовавшим Ярославского, Лашкендарском, где в оформлении явно чувствовалось влияние древнего, так называемого культа собак в виде божества Алишквинты; об Илорском храме, где культ быка сочетался с христианнейшим Георгием Победоносцем; о Пскальском храме, где христианский крест переплелся с языческими Амра и Амза — божествами Солнца и Луны.

— Послушай, Михаил! — говорил Ярославский Трилиссеру. — Оказывается, в Илори равно почитались бык — символ скотоводческого культа Елырных и святой Георгий Победоносец! Вот где христианство соседствовало на первых порах с язычеством. Где еще так наглядно можно проследить этот религиозный синкретизм?..

Трилиссер тихонько сказал нам с Гришей:

— Поехал!

Это означало, что Ярославский, одержимый атеистическим порывом, снова сел на любимого конька.

Было всего три встречи. Три неполных дня провел я в обществе Ярославского и Трилиссера, но какой глу-

бокий след оставили они в душе, в памяти! Снова и снова думаю: каким удивительным мастерством обладают старые большевики — мастерством чуткого наставничества. Без тени намека на свой огромный опыт и заслуги, без тени превосходства говорят они с молодыми. Вероятно, это потому, что главное видят не в тщеславном ячестве, а в том, чтобы передать драгоценные ленинские традиции, дух, стиль, опыт.

* * *

Еще в первые годы Советской власти при активном участии Марии Ильиничны Ульяновой газета «Правда» шефствовала над газетой «Советская Абхазия», помогая ее становлению. С тех пор коллектив редакции многократно опирался на помощь «Правды», как своего наставника. Мы не просто получали и читали номера «Правды». Они были для нас образцами большевистской журналистики, примерами газетного мастерства. Не раз, бывая в Москве, заходили в редакцию «Правды», получали советы и ощутимую помощь. Приезжая на отдых или по делам в Абхазию, правдисты обязательно заходили в редакцию. Бывал у нас Я. Ушеренко, М. Розенфельд и другие. Навещали нас друзья из других московских газет: П. Горелик из «Известий», Т. Костров из «Комсомольской правды». Некоторые такие визиты оставляли яркий след и помогали в работе. ...Все так же началось с телефонного звонка. Из гостиницы «Синоп» звонит Михаил Кольцов.

— Здравствуйте, дорогой Михаил Ефимович! Когда сможете к нам заехать? Завтра утром? Хорошо, ждем!

Через час эта новость взволновала всю редакцию.

Михаил Ефимович Кольцов предстал перед нами таким, каким мы все его знали по фото. Прежде всего обращали на себя внимание необычно большие по тому времени очки, а также глаза, привыкшие рассматривать, наблюдать.

Его приветствовали шумно. Это смутило гостя. Вообще он произвел впечатление человека скромного, но не застенчивого.

Мы попробовали было сказать, что рады приезду первоклассного советского журналиста, что готовы вы-

слушать его мнение о нашей газете, но он пропустил все это мимо и запросто сказал:

— У меня просьба. Можете предоставить мне пишущую машинку?

Мы с готовностью предложили любую из двух стареньких машинок, которыми располагала тогда редакция, и позвали машинистку.

Кольцов сказал:

— Спасибо, но машинистка мне не нужна. Я печатаю сам.

Присутствовавших несколько озадачило то, что гость не начал прямо с беседы, как ожидалось. Видимо, он это заметил.

— Когда я закончу, мы можем, если хотите, и побеседовать.

— Конечно, хотим, но ведь вас ждут в машине.

Кольцов улыбнулся и сказал:

— Жены умеют ждать. Да и беседа у нас, я думаю, не затянется.

Через час мы собрались снова.

Указывая на стенку слева от редакторского стола, гость спросил:

— Что там такое?

Мы охотно показали и рассказали:

— Это — листовки. Мы выпускаем их в тех случаях, когда нужно обратить особое внимание читателей на какое-нибудь важное народнохозяйственное или общественно-политическое дело. Например, в прошлом году пасха совпала с разгаром посадки табака. Мы подготовили листовку. Поместили обращение передовых колхозников с призывом не тратить время на религиозный праздник. И распространили ее в тех местах, где преобладает население христианского вероисповедания.

Вот другая листовка. Она посвящена очередному выпуску Государственного займа. В ней говорится о займе, напечатаны призывы передовых коллективов, рассказы товарищей, выигравших крупные суммы. Тираж был большой. Распространили по всем районам и стройкам.

Еще одна листовка. Она посвящена рабочим лесосплавам. Реки у нас горные, половодье бурное, вода уходит быстро — времени терять нельзя. Иначе лес останется на месте заготовок, а заводы — без сырья. Мы

призвали работников лесосплава работать по-ударному, рассказали, что на помощь им придут рабочие лесозаводов.

— А как вы распространяете свои листовки? — спросил Кольцов.

— В Сухуми есть небольшой авиаотряд. Наши друзья из авиаотряда вне рабочее время совершают полеты.

— И вы летаете?

— Многие из нас летали и разбрасывали листовки.

Кольцов внимательно рассмотрел листовки. Молчание в комнате длилось минуты две. Потом он сказал:

— Видимо, газета у вас инициативная. Это хорошо! А почему хорошо? Потому что газета должна приносить пользу нашей партии, стране. Это ее вклад в пятилетки. А пятилетки — гарантия нашей независимости и безопасности. Я вернулся из Женевы. Хочу немного отдохнуть у вас, в Абхазии. На днях я прочту лекцию: «Женева — город мира». Товарищи из обкома партии просили поделиться впечатлениями. Приходите! Кстати, вы рассказали читателям «Советской Абхазии» о своих листовках? Надо рассказать!

Мы последовали совету гостя и 27 июня и 10 августа 1933 года поместили в газете снимки листовок с краткими комментариями.

Вскоре в Сухуме, в зале Совпрофа (ныне Горсовет) собрался актив сухумской городской парторганизации. Выступил Михаил Ефимович. Как всегда, он говорил живо, интересно. Выдержки из его доклада мы предложили опубликовать в газете. Кольцов согласился. Снова приехал к нам. Он и на этот раз был сосредоточенным, серьезным. Нас даже чуть-чуть обижало, что он, казалось, уделял нам лишь кроху внимания, занятый больше чем-то другим. Мы объяснили это тем, что он много пишет, много редактирует, часто ездит, у него большие общественные дела. Но когда стали прощаться, он так сердечно благодарил, так искренне желал нам новых успехов, что в нашей памяти крепко запечатлелось светлое воспоминание о встрече с ним. Мы как-то лучше поняли значимость нашего газетного труда.

В октябре 1930 года мы так же мимолетно встретились с редактором газеты германских коммунистов «Ротфане» Вернером Гиршем, но и эта короткая встреча

обогастила редакционный коллектив. Она показала международную значимость нашего труда.

Мы старались учиться не только у друзей, но и у наших коллег из буржуазного мира, критически используя все полезное.

Так, однажды в Сухум на кратковременный отдых прикатили двадцать шесть иностранных журналистов. Мы ахнули, когда нам сказали, что они представляют 3000 газет и журналов с пятидесятиmillionным тиражом. Гости уже побывали в Нижнем Новгороде (Горьком), Сталинграде, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Тифлисе, Батуме. После Сухума им предстояло побывать в Гаграх, в Крыму, в Харькове и Киеве. Это было в октябре 1930 года. В редакции было тесно, поэтому встретились в гостинице. Встретились трижды: дважды они расспрашивали нас, однажды — мы их. Гости вели себя корректно, но чувствовалось, что есть среди них и ярые антисоветчики. Один из них спросил:

— Уверены ли вы, что вашу газету читают?

— Наш тираж невелик, но он почти целиком расходуется по подписке. Люди выписывают нашу газету добровольно, по собственному желанию. Вероятно, они делают это не потому, что им нужна бумага, а чтобы читать. Мы можем дать вам десятки адресов наших подписчиков. Побеседуйте с ними. Мы уверены, что это не только подписчики, но и внимательные читатели.

Другой спросил:

— У вас принято каждый день обедать?

— Да, мы делаем это ежедневно, — ответил наш острослов Коля Батанов. И, озорно поглядев на нас, он добавил: — Мы это делаем даже дважды в день!

Все рассмеялись: и мы, и гости. А спросивший покраснел.

Наши гости из буржуазного мира не дураки, но и мы не лыком шиты, — так подытожили мы эту встречу. Мы убедились, что наш идеологический противник умен, хитер, изворотлив, журналистски отлично подготовлен. Ну, что ж! Хорошо, что повидали его, как говорится, «крупным планом», узнали каков он. Будем знать, как вести дело.

САН-ТРОПЕ

Лазурный берег. Ницца. Южная граница Франции. Северный берег Средиземного моря! Как магнит притягивали эти прославленные места состоятельных людей со всей Европы и не только Европы. Немало денег свезли сюда и толстосумы Российской империи, в том числе абхазские князья. Кто скажет, сколько денег «прокрутили» они в знаменитой «рулетке» в Монте-Карло — центре крошечного княжества, примыкающего к юго-восточному углу современной Франции?!

И вот на Лазурный берег судьба занесла нас — участников первой Недели советского фильма во Франции.

Неделя проводилась лишь в двух городах — Париже и Бордо: демонстрировались советские фильмы, происходили встречи с кинозрителями. Но помимо этих мероприятий французские коллеги разработали и блестяще осуществили широкую программу незабываемого гостеприимства. Наши дни были рассчитаны по минутам. Творческие встречи в артистическом кафе на Елисейских полях, осмотр достопримечательностей, прогулки по Булонскому лесу, по набережным Сены, по Монмартру, — это занимало время с раннего утра до полуночи. И когда кто-нибудь робко заикался о том, чтобы немного «разгрузить» программу, наши гостеприимные хозяева говорили:

— Как? Разве можем мы выпустить вас из Парижа, не показав в Лувре Венеру Милосскую или Джоконду, гробницу Наполеона или Эйфелеву башню? А Гран-опера? А Мулен-Руж? А Версаль?..

«Разгрузка» отменялась, и мы всюду бывали, все осматривали подчас до полного изнеможения. Однако кто это «мы»? Достаточно назвать два имени — Николай

Александрович Черкасов и Акакий Алексеевич Хорава — оба депутаты Верховного Совета СССР, оба народные артисты Советского Союза. Продолжая перечень, упомянем женские имена: Людмила Целиковская, Элина Быстрицкая, Алла Ларионова, Нина Калинина. Каждое из этих имен говорит само за себя. С нами были известные режиссеры, кинооператоры — Сергей Бондарчук, Юлий Райзман, Марк Трояновский и другие.

Мы еще что-то не осмотрели, еще с кем-то не встретились, а уже нужно было спешить в Бордо, в департамент Жиронда, на юго-запад Франции. Поезд домчал нас туда за одну ночь. В Бордо нас ждала тоже большая туристско-развлекательная программа. Например, мы успели съездить в любопытный городок Пойак, на левом берегу Гаронны, где существует древнейший орден виноделов Жиронды и где, как оказалось, хорошо знают наши сорта винограда «чхавери», «качич», «акасаж», «апапины», «атбиж», «мцване» и другие. Побывали у французского Ротшильда на обеде в его замке, где перед каждым ставили вино, сделанное в год его рождения.

Очень многолюдной была встреча, организованная местным отделением Общества «Франция — СССР» в театре Бордо. Общению с французами мешало то, что далеко не все мы знали французский язык. Вот почему я обрадовался, когда один из французов обратился ко мне на русском языке. Он представился:

— Жозеф Рине, пчеловод. Откуда я знаю русский язык? У меня мать из России. Вы не знаете французского языка достаточно хорошо? Я вам буду помогать. Если разрешите, я буду сегодня вашим переводчиком.

На шестом десятке лет, но еще молодежавый и подвижный, в больших очках и с каким-то замысловатым перстнем на указательном пальце правой руки, господин Рине вызвал симпатию своей откровенностью и искренностью в расспросах о нашей стране. Он просто засыпал меня вопросами, когда узнал, что я долгое время жил и работал в Абхазии.

— О, это для меня находка! — воскликнул он. — Не сердитесь, если я надоем вам расспросами и рассказами. Все началось с того, что под влиянием матери я рвался повидать вашу страну. Мне это удалось не сразу. Но вот ваша Академия наук праздновала 200-летие. Я имел

приглашение. Четыре месяца провел у вас в 1925 году Москву и Ленинград видел только мельком. Спешил на Кавказ. По двум причинам. Первая — пчелы. Давно знал, что ваши пчелы свалили с ног легион римских солдат, которых вел Помпей. Они попробовали пьяный мед, добытый из дупла бука. Давно знал, что Абхазия, Мегрелия и Черкесия — древнейшие очаги пчеловодства. Об этом писали древние историки Ксенофонт, Страбон, Плиний Секунд и другие. Летом приехал в Сухум. Обратил внимание на названия кинотеатров: «Ренессанс», «Олимпия». В одном из них, помню, шел фильм «Аборт». Любопытно? В местном театре ставили «Цыганского барона» Штрауса. В сухумской газете я нашел новости о Франции — об избрании господина Эррио председателем палаты депутатов, а господина Пенлеве — премьером Франции. Да, еще была любопытная неожиданность! В докладе господина Ла-ко-ба — так я говорю? — о международном положении, помещенном в газете, говорилось что-то вроде того, что хотя у СССР есть разногласия с Францией, но нападения с ее стороны ждать не следует. Мне было приятно такое мнение. Откровенно говоря, — господин Рине сказал это доверительно тихо, — я немного опасался, что в Абхазии мне припомнят, что французские корабли в свое время обстреливали ее побережье, помогая меньшевикам, правительству Ноя Жордания. Однако вернемся к пчелам...

— Вы не пчеловод? — спросил мой собеседник. Мне «нет» его ничуть не обескуражило, и он продолжал:

— Пчел ради я хотел найти в Сухуме следы человека, о котором рассказывала мать. Вам ничего не говорит фамилия Кондратьев? О, это был замечательный человек! Он прожил две жизни и в обеих был знаменит.

— Как это: «две жизни»?

— Вначале он был театральным деятелем, знаменитым во всей России. Тридцать пять лет посвятил опере, а всего музыке сорок пять лет. Был главным режиссером Мариинского театра в Петербурге. Но в самом начале нашего века вдруг расстался с театром, поселился под Петербургом и занялся...

— Вы слышите тост — «За франко-советскую дружбу!»? За это мы должны выпить, — сказал Рине, прервав самого себя. — Перед вами бокал «бордо». Вы пьете в Москве «бордо»?

— Нет, — ответил я. — С тех пор как наш Пушкин воспел «бордо» мы сами научились делать вина мировой славы. Хотите купить? Можем уступить сто бочек, тысячу, десять тысяч?

— Что вы! — рассмеялся Рине. — Я вином не занимаюсь. Мое дело — пчелы. Так вот, Кондратьев занялся пчеловодством. Понимаете, ни чем другим, а пчеловодством! Началась у него как бы вторая жизнь. Вскоре он стал всемирно известным пчеловодом. Редактировал «Вестник иностранной литературы пчеловодства». Почему я надеялся найти его следы в Абхазии? Я вам отвечу. Вместе с всемирно известным русским химиком Бултеровым он основал большую пасеку на кавказском берегу Черного моря, неподалеку от Сухума. Представляет, два светила на одной пасеке: знаменитый театральный режиссер и знаменитый химик! Согласитесь, что такое не часто можно встретить! Пасека Кондратьева-Бултерова была образцовой. Я думал: «Может быть она сохранилась? Может быть есть продолжатели дела двух знаменитостей?».

— И что же?

— Я ничего не нашел и совсем было собрался ехать в Зугдиди, но тут мне посчастливилось. Я встретился с вашим знаменитым абхазским специалистом по пчеловодству господином Агума. О, это энтузиаст! Вы знали его? Великолепно! Так вот, помню, он многое рассказал мне об абхазской пчеле. Он сказал, что абхазских пчел очень раздражает запах яда раздавленной пчелы. В этом случае они жалят беспощадно. Верно? Не испытали! Ну, и не пытайтесь испытать. Думаю, что Агума знал, о чем говорил. Мы с ним совершили интереснейшую поездку по Военно-Сухумской дороге...

— В Цебельду?

— Вы угадали. Помню, когда мы туда приехали, в селе был сильный шум. Люди кричали: «Бедный Аршак! Бедный Аршак!». Оказывается, кто-то убил мальчика. Убийцу поймали. Ему грозил самосуд. Потом, помню, мы были в Цебельде на шумном собрании. Цебельдинцы решали вопрос об открытии в селе зубо-врачебного кабинета. Это меня удивило: в селе и вдруг зубо-врачебный кабинет? Но не это главное. Меня, конечно, интересовали пчелы. Дикие пчелы. Те, которые живут в расселинах скал, на высоких деревьях. Местные пасеч-

ники рассказывали, что их отцы видели глыбы воска, который натек за века из расселин скал. У меня голова кружилась, когда они показывали мне, как абхазцы добывают мед диких пчел с высоченных деревьев с помощью жердей с крюками, как достают мед с высоких скал, забираясь туда по клиньям, вбитым в трещины камня. Вы не пчеловод и вам, вероятно, надоело меня слушать?

— Что вы! — ответил я. — Вы рассказываете интересные вещи. Однако я хотел бы задать вам один вопрос.

— Пожалуйста!

— Вы сказали, что хотели проехать в Зугдиди. Не секрет — зачем? Господин Рине оглянулся и доверительно тихо сказал:

— Должен вам сообщить, что в Зугдиде я тоже ничего не нашел. А рассчитывал найти хоть след князей Дадиани. Я — потомок одной из ветвей рода Бонапартов, в родстве с которым были Дадиани*. Я и сейчас бываю на Корсике.

* * *

За ночь экспресс промчал нас мимо Марселя и доставил в Ниццу. В отеле «Непреско» портье сказал:

— Господа! Мы предоставляем вам комнаты, которые занимал бывший король Египта Фарук.

— Мы готовы сказать вам спасибо, если комнаты хорошо продезинфицированы, — ответил глава нашей делегации.

С балкона отеля открывался восхитительный вид на море, многокилометровый пляж, на набережную в яркой субтропической зелени.

— Что это за вывески на пляже? — спросили мы нашего гида.

* Зугдиди и их окрестности в первой половине прошлого века были прибежищем многих фамилий, блиставших при дворе Наполеона Бонапарта. Некоторые представители этих фамилий дожили до начала нашего века. Например, в селе Салхино Сенакского округа (ныне Цхакаевский р-н) жила помещица Мюрат. В 1905 году восставшие крестьяне под руководством Парнаоза Алексеевича Гегелия захватили имение помещицы. Потом она жестоко расправилась с восставшими. После 1907 года ее следы исчезли. Естественно, что в 1925 году господин Рине ничего не нашел.

— Это обозначения участков пляжа. Они названы именами зверей. Вы можете назначить свидание у «Льва», «Крокодила», «Зебры» и так далее. Не нужно ходить по всему пляжу, чтобы найти друг друга. Ведь его длина семь километров.

— А почему на набережной явно преобладают представительницы прекрасного пола?

Гид оглянулся. Он хотел удостовериться, что поблизости нет наших женщин. И сказал:

— Сейчас ноябрь. Это значит, что вы приехали к началу зимнего сезона. Скоро начнется съезд гостей-завсегдатаев, любителей рулетки и прочих развлечений. Так вот, к их приезду прибыл к нам «живой товар» со всей Франции. Продажные женщины, конечно, достойны сожаления, но в разгар сезона они неплохо зарабатывают. После этой справки краски красоты Ниццы изрядно померкли.

Предстояли поездки в альпийскую деревню Эш, в центр мировых кинофестивалей — Канн, в гости к знаменитому французскому кинорежиссеру Рене Клеру в район приморского городка Сан-Тропе.

Утром, перед поездкой, сообщили:

— Рене Клер просил навестить его на даче, близ Сан-Тропе, если можно, сегодня. Это недалеко. Через час будем там. Вы убедитесь, какой это радушный человек. Его жена говорит по-русски.

Это нас обрадовало.

— А какой из его фильмов наиболее известен в СССР? — спросил наш гид.

Все сошлись на том, что это фильм «Под крышами Парижа».

— Вы встречались с ним в Москве во время Недели французского фильма в СССР?

— Конечно! Встречались! Знакомились! Переписываемся!

Эти возгласы не оставили сомнения, что компания едет к старому знакомому, что это как бы ответный визит.

Мы покатали в Сан-Тропе на автомашинах, предоставленных в наше распоряжение с рекламными целями на время пребывания во Франции французской автомобильной фирмой «Ситка». Но нас это не тяготило: машины обеспечивали удобствами передвижения. Жен-

щинам нравились рожки для цветов — принадлежность многих французских автомобилей, многим нравилась возможность широкого обзора. А посмотреть было на что. Справа плескалось Средиземное море, слева мелькали виллы, особняки, отели, рестораны, бары. Мы проезжали маленькие городки и какие-то памятные места, где гид заученно повторял, что в таком-то году именно здесь высадился Бонапарт, бежавший с острова Эльба и шедший навстречу триумфа «ста дней», или что именно здесь застрелился граф П., проигравший в казино свое состояние.

Потом было сказано, что где-то неподалеку находится дача знаменитого испанского художника Пабло Пикассо.

Вскоре показался городок покрупнее.

— А это и есть этот самый... как он называется? — спросили женщины.

— Вы хотите сказать Сан-Тропе? Нет, дача Рене Клера расположена немного недоезжая. Скоро мы там будем. Вас поездка не утомила?

— Что вы! Шоссе отличное. Берег действительно лазурный. Обратите внимание на краски моря и неба! Как они щедры на тончайшие оттенки лазури. Хорошо и то, что мы быстро едем.

Машины остановились у невзрачной калитки с заурядным забором, из-за которого выглядывала всяческая зелень, не очень знакомая нам. А у калитки стояли улыбающиеся хозяева — Рене Клер и его супруга.

Давние знакомства связывали их с некоторыми участниками нашей поездки. Пришлось переждать, пока схлынет волна поцелуев, объятий, рукопожатий, оживленного говора на русско-французском языке. Обаятельный, общительный остроумный наш Николай Александрович Черкасов, ничуть не смущаясь незнанием французского языка, смело сыпал какими-то междометиями и как всегда удачно. Говорю «как всегда», имея в виду случай, происшедший в Париже. Николай Александрович опоздал к ужину всей делегации. Он задержался в белогвардейском клубе «Золотой петух», куда был приглашен с коварным умыслом, но очаровал присутствовавших там, напраздивших его почетным «петухом» и проводивших аплодисментами. Он хотел обратиться к официанту с просьбой дать ему ужин. Но языка он не

знал, знающих рядом не было. Что же он сделал? Он растопырив мизинец и большой палец правой руки, сказал официанту:

— Гран коньяк и пти шамовка!

Официант понял. Окружающие рассмеялись. Особенно комичным было сочетание «пти» (по-французски — маленький) и «шамовка» (из русского жаргона).

У Рене Клера Черкасов разговаривал «по-французский» еще смелее и изобретательнее, чем и веселил всех без того радужно настроенных.

Наконец, очередь дошла до тех, кто встречался с четой Клер впервые. С истинно французской учтивостью, душевно они приветствовали каждого, создавая этим непринужденную обстановку.

Какой хозяин дачи, садовод-энтузиаст не начинает прием гостей с показа клумб, кустиков и деревьев. Так было и здесь. Потом Рене Клер показывал коллекции и фотографии. Все это перемежалось воспоминаниями о встречах в Москве или Париже. Наконец хозяйка сказала:

— Прошу к столу!

Сказала она это по-русски, но с таким выразительным жестом, что все поняли бы, будь это сказано по-французски. Гости и хозяева вышли на веранду, с которой открывался чарующий вид на море, на Сан-Тропе.

Мы уже привыкли к тому, что французы всюду старались удивить нас какими-нибудь диковинками своей кухни и подвалов. Но наши хозяева не удивили, а поразили нас. Сначала они поставили блюдо из каких-то колючих серых шариков. Нам объяснили, что это морские ежи. Из-под серых скорлупок виднелись тонкие оранжевые полоски съедобного, считающегося деликатесом. Признаться, никто из нас не пожалел, что не питается морскими ежами. Потом на стол были поставлены бокалы и рюмки. Всем было понятно, что это значит. Начались тосты. Для порядка избрали тамаду. Кандидатура была вне конкуренции — Акакий Алексеевич Хорава. После нескольких рюмок за столом воцарился тот знакомый всем шум, который вызывает улыбки и удивление, когда слушаешь его потом в записи на пленку, но который обычно бывает мил и люб всем участникам застолья.

Советские гости учтиво хвалили красоты Франции,

в том числе ее Лазурного берега. И вскоре это стало ведущей темой общей беседы. Повел ее сам хозяин. Он сказал:

— Наш Лазурный берег прекрасен. Это верно. Но многие не имеют возможности сравнить его с подлинно райскими местами. Они не видели их. Не видели, например, абхазское побережье Черного моря. А мы видели и можем сравнить: абхазское побережье красивее! Верно, господин Хорава?

— Абсолютно верно! — подтвердил Хорава. — Это могу засвидетельствовать не только я, но и еще один «кавказец».

Он указал на меня, объяснив, почему он это делает. Я сказал:

— Теперь, когда я увидел Лазурный берег, могу сравнить, господин Клер: абхазское побережье — вы правы! — красивее.

Чем? — спросил «Дед Мороз» (так мы прозвали сидевшего за столом француза в белом костюме и с седой шевелюрой).

Ответил сам Клер:

— Оно красивее тем, что там от линии горизонта до самой линии прибоя ниспадают склоны гор, сплошь покрытых зеленой мантией лесов. Представляете сочетание: снежные вершины Кавказа, зеленый ковер лесов и лазурные воды моря? Это прелестно, превосходно! А у нас, если смотреть с моря, вид иной: от берега моря идет полоса фешенебельно благоустроенного берега. Там красивые виллы, отели, пансионаты. Они окружены роскошной зеленью. Это верно! Но вот выше начинаются красноватые камни гор, склоны которых лишь кое-где украшают пинии, наши средиземноморские сосны с плоской кроной. А дальше? Дальше небо. Согласитесь, картина не столь чарующая как на Понте Эвксинском.

Однако «Деда Мороза» это не убедило. Он не оспаривал красот Абхазии, ссылаясь на то, что не имел возможности детально с ними познакомиться, но он изыскивал — и делал это умело — доказательства достоинств Лазурного берега, ссылаясь на мнение различных авторитетов всех времен.

Мы соблюдали такт и особенно не возражали «Деду Морозу». К счастью, сами хозяева блестяще оппонировали. Было сказано, что не единицы, а десятки авторов,

начиная от автора шеститомного «Путешествия вокруг Кавказа» французского профессора Фредерика Дюбуа де Монперэ, писавшего в 30-х и 40-х годах прошлого века, и кончая книгой Анри Барбюса «Вот что сделано в Грузии», выпущенной в 1929 году в Париже, все восторженно писали о красотах Абхазии.

Наш тамада внимательно следил за полемикой и время от времени кивал мне, как бы говоря: «Слышишь, что о нас говорят?».

А говорили, что красива даже «Буря у берегов Абхазии», написанная Иваном Константиновичем Айвазовским и экспонировавшаяся в Лувре.

Приводились слова Анри Барбюса: «Я открыл глаза и очутился на лоне сказочной природы, великолепии которой, может быть, в своем роде неповторимо на земле... неожиданный рай Черноморского побережья: парки, образующие на склонах гор длинные острова с выступающими как изгородь кипарисами; дубы, тополи, кедры, огромные секвойи, густые пальмовые рощи и целый ряд экзотических пород, сильнее и красивее развившихся на этой земле, чем в Африке, Америке, Австралии, откуда они прибыли».

— А почему Анри не упомянул Азию? — спросил опрятный старичок, как можно было судить — из ученой братии. И сам же неторопливо и обстоятельно пояснил в манере чтения лекции. — Существует так называемый «колхидский рефугиум флоры». Что это такое? Известно, что климат на нашей планете сильно менялся. Были великие и малые обледенения. Потом наступало потепление. Потом снова наступали льды. Но при этом оставалась зона с такими благоприятными условиями, в которых сохранялась теплолюбивая растительность. Она сохранялась на протяжении миллионов лет. Кругом все вымирало, а тут сохранялось.

Польщенный общим вниманием, старичок продолжал:

— Считаю, что это была немалая зона. Она занимала, примерно, всю Юго-Восточную Азию, Кавказ, и Абхазия в том числе, были окраиной этой зоны. Вот почему там встречаются редчайшие представители роскошной растительности, так восхитившей нашего Анри.

Обстоятельное объяснение опрятного старичка сменилось новыми доводами сторон.

Противники «Деда Мороза» говорили:

— Анри Барбюс знал, о чем писал. Он в 1928 году два месяца жил в Гаграх. Из его книги известно, что, поднявшись на Иверскую гору, он воскликнул: «Рай, истинный рай... И в этом раю живут красивые люди». Барбюс написал очерк «Среди красот земного рая», опубликованный во Франции. Он имел в виду Абхазию. Вот!

«Дед Мороз» уже сдавался, но еще не капитулировал. Тогда хозяева призвали гостей на помощь. И гости помогли. Они напомнили слова А. П. Чехова об Абхазии: «Природа удивительна до бешенства и отчаяния. Если бы я пожил в Абхазии хотя бы месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней, на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...».

«Кто был в Новом Афоне и не поднялся на Иверскую гору, этот человек подобен тому, кто был в Риме и не видел в Ватикане Римского папу...».

«Я в Абхазии! Ночь провел в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная... Все ново, сказочно... и поэтично...».

Напомнили и слова И. Чавчавадзе: «Я счастлив тем, что вижу перед собой этот, точно созданный кистью художника, уголок нашей общей родины — Абхазии, населенной ее прекрасным народом».

Когда дело дошло до слов А. М. Горького о красотах Абхазии, «Дед Мороз» окончательно сдался. Он пообещал присутствовавшим непременно побывать в «раю земном»... вторично.

— Как вторично? — раздалось сразу несколько голосов.

— Господа! — ответил «Дед Мороз». — Мне не очень удобно об этом говорить в присутствии уважаемых советских гостей. В 1919 году я видел побережье Абхазии и... обстреливал его. Что делать: служил во французском флоте. Франция тогда помогала грузинским меньшевикам*.

Все решили: что было, то было и бытьем поросло.

А полемика разгорелась полезная.

Приятно было слышать славу о гордой красе абхазской земли.

* Абхазское побережье обстреливал французский миноносец «Жан Бар».

ГОВОРИТ СУХУМ

Очевидцев может быть уже и нет. Однако известна радиограмма Ревкома Абхазии, подписанная Ефремом Эшба и Нестором Лакоба. Ее дата — 31 марта 1921 года. Известно, откуда она была послана — с батумской радиостанции. Известно, в связи с каким событием Ревком Абхазии отправил радиограмму — решением совещания, состоявшегося в Батуми под председательством Серго Орджоникидзе. Тогда Ревком Грузии провозгласил создание Социалистической Советской Республики Абхазии. Самое главное — известен текст радиограммы. Из него мы узнаем, что великой радостью Ревком Абхазии решил поделиться прежде всего с дорогим вождем Владимиром Ильичем Лениным.

Значение события было огромно. Ревкому хотелось известить о нем всех. Поэтому тексту радиограммы предшествуют еще семь адресов: Сталину, Чичерину, Баку — Председателю Ревкома Азербайджана Нариманову, Тафлис — Председателю Ревкома Грузии Махарадзе, Темир-Хан-Шура — Председателю Ревкома Дагестана Джелалу Коркмасову, Владикавказ — Председателю Ревкома Горской Республики Кирову, Эривань — Председателю Ревкома Армении Бегзаяну.

И еще две адресных строки:

Всем советским республикам.

Всем, всем, всем...

Ревком Абхазии сообщал: «Волею трудящихся родилась новая Социалистическая Советская Республика — Абхазия...».

Знаменательно, что рождение Советской Абхазии было связано с радио.

1 апреля 1921 г. было учреждено АбкавРОСТА — Абхазское отделение Кавказского бюро Российского те-

леграфного агентства (предшественника ТАСС). В Сухуме была установлена приемно-передающая радиостанция (радиотелеграф). Она обеспечивала прием по радио информации от КавРОСТА, передавала ему, в Тифлис, информации из Абхазии и имела также телеграфную связь с Тифлисом и Ростовом-на-Дону. Отделения АбкавРОСТА имелись в районах.

История и опыт АбкавРОСТА — живой пример особого использования радио в первые годы Советской власти в нашей стране. Да, информация из АбкавРОСТА и в его адрес шла по радио в телеграфном режиме, т. е. с помощью азбуки Морзе, а не живым голосом (не по радиотелефону). Ее могли принимать только специалисты. И тем не менее она становилась доступной широким массам как при современном радиовещании. Суть в том, что она использовалась во взаимодействии с другими средствами массовой информации, и это был важный участок идеологической деятельности Абхазской партийной организации.

Как это достигалось?

Получив информацию от КавРОСТА, работники АбкавРОСТА немедленно обрабатывали ее и выпускали в виде «Радиовестников АбкавРОСТА». Они тут же рассылались в редакцию газеты «Голос Трудовой Абхазии», в Ревком Абхазии и в Оргпартбюро. Кроме того, ежедневные бюллетени АбкавРОСТА вывешивались в людных местах Сухума. Выпускалась световая газета. Информацию использовали в живых (устных) газетах, в художественно-агитационных плакатах.

* * *

«Говорит Сухум!» — уже мало кто помнит, когда эти слова прозвучали впервые на абхазском, грузинском и русском языках. Еще бы! С тех пор прошло почти полвека и даже более.

Этот первый важный шаг газета «Правда» отметила 24 мая 1924 года, то, что «Государственное Черноморско-Азовское пароходство приступило к постройке в Сухумском порту Морской радиостанции». Речь шла о приемно-передающей радиотелеграфной станции небольшой мощности — всего один киловатт. Длина волны 600 метров. Станция вела лишь служебные передачи и к радиовещанию отношения не имела.

Инициативу в этом отношении проявила общественность. Например, московская газета «Новости радио» поместила в № 4 за 1925 г. два сообщения из Абхазии:

«Гудауты. Школьная ячейка ЛКСМ организовала кружок радиолюбителей. Предполагается также вести обучение по приемке телеграмм по азбуке Морзе. Наблюдается среди комсомола сильный интерес к новейшим достижениям в области радио».

«Сухум. Организовалось «Общество радиолюбителей Абхазии», которое ведет широкую работу по внедрению радиолюбительства среди широких масс населения».

Большой заслугой этого Общества было то, что с помощью работников Сухумской окружной конторы связи оно осенью 1930 года организовало радиовещание — передачу по радио живого звучания жизни: человеческого голоса, музыки, шумов. 1 сентября 1930 года газета «Советская Абхазия» начала публиковать расписание передач. При скромных технических условиях того времени это было выдающимся событием. Вот в ту пору и прозвучали слова: «Говорит Сухум!». Это говорил радиоузел, существовавший на окраине Сухума, в Остроумовском ущелье, на 1-й Подгорной улице. Он назывался Центральным, потому, что в районах (уездах) имелось восемь районных радиоузлов. Вещание велось по проводам. Аудитория была небольшая, но постоянно расширялась. Осуществлялась радиофикация всех республик Закавказья, в том числе и Абхазии. ЦИК АССР Абхазии активно этому содействовал. Так в начале июля 1931 г. он специально обратился в Тифлисский радиоцентр с просьбой форсировать радиофикацию Кодорского (Очамчирского) уезда, как района технических культур (табак, чай), а также имеющего большое количество рабочих на новостройках: Ткварчели, Черноморка, совхозы.

Абхазский обком КП(б) Грузии широко использовал радио. В газетах «Советская Абхазия» и «Апсны капш» печаталось объявление:

«15 июля (1931 г.) ровно в 8 час. 30 мин. культуротр ЦК КП(б) Грузии созывает собрание партийного и комсомольского актива по радио. Будет дана проработка июльского пленума ЦК ВКП(б). Предлагается организовать и обеспечить коллективное слушание этой пере-

дачи с большим количеством слушателей. Культпроп обкома».

В июне 1931 г. Культпроп обкома организовал заочные радиокурсы партактива. В кабинете партпросвещения была оборудована радиоаудитория для слушателей радиокурсов. 26 июня 1931 г. в «Советской Абхазии» было опубликовано расписание и призыв «приступить к аккуратному посещению занятий по расписанию».

Важным этапом в развитии радиовещания в стране, в том числе в Абхазии, явился 1931 г. 16 августа Совнарком СССР принял постановление «О развитии приемо-передающей радиовещательной сети». Подчеркивалось значение вещания на языках народов СССР. При ЦИК АССР Абхазии был создан Радиокomitee. Усилилась радиофикация. В 1933 г. в республике было 1530 радиотрансляционных точек. Радиоузлы ежедневно по четыре часа транслировали иногородние программы. Свое, местное вещание, также занимало четыре часа в день.

Нет ли возможности представить на примере хотя бы одного дня, каким было радиовещание в Сухуме, скажем, в 1935 году? Такая возможность есть. К тому времени и сетка (расписание) вещания приобрела устойчивость, и люди знали, когда и что можно послушать. Вот пример:

- 10.00—11.00 — детское утро.
- 17.00—17.10 — бюллетень «Последних известий» на абхазском языке.
- 17.10—17.40 — литературно-художественная передача Союза писателей Абхазии.
- 17.40—17.50 — бюллетень «Последних известий» на грузинском языке.
- 17.55—19.00 — выступление симфонического оркестра радиокomitee и вокалистов.
- 19.05—19.15 — бюллетень «Последних известий» на русском языке.

Если учесть, что ежедневно в течение четырех часов по Абхазии транслировались передачи из Москвы и Тбилиси, то можно заключить, что даже радиослушатели, не имевшие радиоприемников, получали довольно большую и разнообразную программу на трех языках.

Главное место в местном вещании занимали общественно-политические передачи — посадка, уборка и заготовки табака и других сельскохозяйственных культур; положение на предприятиях, новостройках, в совхозах и колхозах, на лесозаготовках; события общественной, партийной жизни; приезды знатных советских и иностранных гостей и делегаций. Делались попытки комментировать решения Абхазского обкома КП(б) Грузии и ЦИК АССР Абхазии. Редакторами этих передач на абхазском языке был М. Л. Хашба, а на русском — автор этих строк.

Большое место в местном вещании занимали литературно-драматические и музыкальные программы. У микрофона регулярно выступали вокалисты и инструменталисты-профессионалы, а также оркестры и хоровые кружки (оркестр милиции, хор табачников, кахетинский хор Субтропического института, русско-украинский хор, хор клуба кооперации и госторговли). В сентябре 1935 г. Абхазский радиокomitee организовал Грузинский вокальный ансамбль. Часто выступали по радио Государственный абхазский вокальный ансамбль и Абхазский хор Гостеатра под управлением Муты Кове. Сохранилась любопытная сводка, дающая представление о разносторонней программе музыкального вещания в Абхазии в ту пору: «С сентября 1935 по февраль 1936 года радиокomitee проведено: три передачи, посвященных памяти В. И. Ленина, С. М. Кирова, 1905-му году; 17 концертов русской музыки дореволюционного периода; четыре показа творчества народов СССР; десять передач посвящены творчеству советских композиторов; тридцать составлены из абхазских, грузинских, армянских, сванских и других песен; восемь для школьников; шесть показов детской самодеятельности клубов; пять — по заявкам стахановцев; 15 концертов развлекательной и танцевальной музыки.

Несмотря на немалые трудности и недостатки, радиовещание в Абхазии, при постоянном внимании и помощи со стороны Абхазской партийной организации, к середине 30-х годов успешно завершило период становления и пошло по пути всестороннего развития.

РЕЛИКВИИ

Наш язык богат, выразителен, но не беспредельно. Даже самый талантливый поэт, писатель может оказаться в таком положении, когда ему не хватит слов, чтобы выразить свои чувства. Такие ситуации в жизни бывают, случалось такое и со мной.

Представьте себе, что вы находитесь в Кремле, в кабинете Владимира Ильича Ленина. Вы там один и больше никого! Каждая деталь обстановки вызывает у вас волнующие воспоминания. Вы представляете себе, как на протяжении пяти лет кипела здесь ленинская мысль, рождались гениальные идеи и планы, писались строки, осчастливившие все человечество. Здесь Владимир Ильич встречал многих соратников, ходяков, гостей, беседовал с ними. Здесь сидел он, читая газету «Правда», а Оцуп сфотографировал его и этот снимок обошел мир. Сидя вот за этим столом, Ильич поглядывал на беседовавшего с ним английского писателя Герберта Уэллса. Из-за этого стола вставал он, чтобы переставить вот на этой карте флажки, обозначающие линии фронтов пражданской войны. Вот на этой этажерке-вертушке искал он нужную книгу, брал трубку вот этого телефона, выходил в эту дверь с секундной точностью в зал заседаний Совнаркома — разве перечислишь все, что нахлынет на вас? Попробуйте выразить это словами. Уверяю, никаких слов не хватит. Я это испытал. Лишь отдельные впечатления удастся передать, но это бледное отражение пережитого.

Например, было так...

Я стоял недвижимо слева от входной двери, если идти из зала Совнаркома. Не знаю почему выбрал именно эту точку для обзора. Может быть потому, что отсюда лучше был виден письменный стол Владимира

Ильича. Примечателен этот стол. Здесь все так и стоит, как было поставлено в марте 1918 года, когда Владимир Ильич впервые пришел в этот кабинет. На часах 20.15. В это время 12 декабря 1922 года Владимир Ильич почувствовал себя плохо и больше уже здесь не работал. Он посетил свой кабинет еще раз 19 октября 1923 года. И вот уже более полувека здесь все сохраняется так, как было при жизни великого вождя.

Снова и снова вглядываешься в каждую деталь. Два телефона. Два подсвечника. Чернильный прибор. Настольная лампа под зеленым абажуром, ножницы. У стола — четыре мягких кресла. В простенке между окнами карта путей сообщения Европейской части Российской империи с царским орлом. Справа от двери — портрет К. Маркса, барельеф Степана Халтурина. Слева тоже карта, но... позвольте! Это карта — реликвия.

В той ее части, где обозначено Закавказье, выделяются две крупных надписи — «абхазы». Если посмотреть внимательнее, то станет видно, что на карте вся территория Абхазии покрыта пометками. Они обозначают: где живут абхазцы, русские, греки, армяне, представители других народов. Надписи сделаны от руки на карте старого издания. Кто бы мог это сделать без ведома хозяина кабинета? Вероятно, было поручение Владимира Ильича. И можно ли сомневаться в том, что он внимательно прочитал все надписи. Возникает образ — Владимир Ильич у этой карты. Он смотрит на ту ее часть, где крупно дважды написано «абхазы». И снова охватывает переживание, которое вряд ли можно выразить словами.

Царящая в кабинете тишина усиливает, обостряет переживания. В плен берет такое благоговейное состояние, что не решаешься сделать шаг. Но внимание привлекает простенок между шкафом и печью. Там висит табель-календарь за 1922 год. Перечень республик советских социалистических. Среди них: «Абхазская, г. Сухум». Календарь-реликвия! Что могла напомнить эта строка Владимиру Ильичу? Он знал об Абхазии, когда писал свой гениальный труд «Развитие капитализма в России», когда развернулись события первой русской революции, когда в январе 1912 года, в период VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП написал: «Сухум хотел связаться с Кавказским област-

ным комитетом, но не мог, несмотря на приезд делегата от Сухума в Тифлис. Докладчик (Серго) видел его в Тифлисе и делал ему доклад; сей делегат был от РОК».

Большими делами, связанными с Абхазией, памятен этот кабинет. Ведь именно сюда, к Владимиру Ильичу, перед отъездом из Москвы на фронт заходил Е. А. Эшба. Из воспоминаний мы знаем, что Владимир Ильич принял его тепло. И снова хочется представить, как это было. И не только это

* * *

Сухум, улица Калинина, дом 25. Постойте, остановитесь у этого дома. Что вы о нем знаете? Неважно, что до установления Советской власти в Сухуме здесь находилась контора Индо-Европейского телеграфа. Но вам следует знать, что с 4 марта 1921 года это здание на бывшей Могилевской улице занял военный телеграф 31-й дивизии IX Красной Армии. Отсюда в Москву, Владимиру Ильичу были отправлены первые телеграммы Ревкома Абхазии, в том числе телеграмма, в которой говорилось:

«Восставшие рабочие и крестьяне Абхазии свергли меньшевистское правительство и провозгласили Советскую власть в Абхазии».

Об этом рассказал участник первых передач Ревкома Абхазии — Максим Афанасьевич Соломко, житель г. Очамчира.

С его слов мы узнали:

«Я был тогда молодым телеграфистом, работал на сухумском телеграфе. На Могилевской улице (ныне ул. Калинина, д. 25) стоял дом Индо-Европейского телеграфа. Дом этот и поныне стоит, капитальный. Там помещался телеграф 31-й дивизии под командованием тов. Пешковского, пришедшей в Сухум со стороны Сочи 4 марта 1921 г. Нас, троих работников Сухумского телеграфа, направили на телеграф 31-й дивизии. Здесь я и познакомился с тов. Эшба. Он оказался моим земляком. Мы с ним из одного села, но до встречи на телеграфе я его лично не знал. После нашей первой встречи на телеграфе он все переговоры по телеграфу вел через меня. Однажды днем, примерно в 11—12 часов дня 10 марта 1921 года, во время моего дежурства на воен-

ный телеграф пришли товарищи Эшба и Лакоба и просили устроить разговор с товарищем Лениным. Я сейчас же связался с Краснодаром*. Попросил соединить с Москвой... Краснодар выполнил мою просьбу, и на линии появилась Москва... Я попросил московского телеграфиста принять телеграмму из Сухума, и он дал согласие на прием».

Далее М. А. Соломко сообщил, что «товарищи Эшба и Лакоба тут же объявили мне благодарность за то, что с таким успехом я обеспечил разговор с Москвой. Видно было, что они охвачены большой радостью. С этим они ушли»**.

Текст телеграммы известен. Она была дана в связи с тем, что на всей территории Абхазии была установлена Советская власть. Ревком так и сообщил Владимиру Ильичу:

...«ныне на всей территории Абхазии водружено Красное Знамя трудящихся»***.

Как и в каком виде дошла эта телеграмма до Москвы, до В. И. Ленина? Какой была ее дальнейшая судьба? Ответ на эти вопросы мог дать только ЦГАОР СССР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Здесь, в Москве, на Пироговской улице, в доме № 17, хранятся исторические документы. Их — сотни тысяч, но система такова, что нужное найти можно. Этому во многом способствует готовность сотрудников архива помочь исследователю.

От них становится известным, что нужно искать в фонде № 130.

Пока принесут документы, приходится ждать. Это минуты терзающих сомнений: найдут ли?

Наконец — документ перед нами.

На папке наклейка с цифрой 8. Титульная строка. А потом броско написано: «Фонд 130, опись № 5, ед. хр. № 701».

* Связь с Москвой осуществлялась через Краснодар потому, что там находился узел связи штаба IX армии, в состав которой вошла 31-я дивизия.

** В письме М. А. Соломко автору говорится: «Все это происходило в течение 20 минут». Оно хранится в архиве автора.

*** Из телеграммы Ревкома Абхазии В. И. Ленину от 10 марта 1921 г.

Хочется все рассмотреть внимательнейшим образом. Вот какая-то пометка. Говорится, что «единица хранения № 701» побывала в Центральных реставрационных мастерских Главного архивного управления МВД СССР. Снова пометки и штампы. Говорится, что в папке 162 страницы, из них имеют обороты 17 листов. Далее следуют отметки о неоднократных проверках фонда (в 1933, 1936, 1940, 1946, 1949 годах). Папка открывается страницей 162. Это телеграмма Ленину, но... из Ташкента. Перелистываем страницу за страницей в надежде найти свое. Перевернуто сто двадцать пять страниц и, наконец, вот телеграмма, полученная из Сухума 10 марта 1921 года. Текст совпадает слово в слово с тем, как он был послан из Сухума. Заслуженно члены Ревкома поблагодарили М. А. Соломко за четкую работу. На лицевой стороне телеграммы — семнадцать строк. Последняя прерывается на слове «доблестная». На обороте — пять строк (в том числе подписи).

Теперь предстоит исследовать служебные пометки. Они говорят, что телеграмма пришла в Москву 10 марта 1921 года. Слово «Кремль» обозначает кремлевский прямой провод и аппараты, стоявшие в коридоре, рядом с кабинетом В. И. Ленина. «2 к.» означают «две копии». Телеграмма имеет московский (кремлевский) номер — 1058. Ниже строка: «Москва, Ленину». Снова цифра «2875» и слово «принял: ...» (подпись неразборчива).

Если бы на телеграмме была пометка В. И. Ленина, то она хранилась бы в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но может быть телеграмма устно была доложена Владимиру Ильичу? Кто бы мог это припомнить? Это могла сделать Лидия Александровна Фотиева, но ее — увы! — уже нет в живых.

ЦГАОР хранит несколько подобных реликвий, касающихся Абхазии.

Перед нами папка с пометкой «15». На ней надпись: «Фонд 130, опись 5, ед. хр. № 740». Что в ней? Оглавление обнадеживающее. Там написано: «Телеграммы о землеустройстве кабардинцев и балкаров, о включении в Федерацию Абхазии, о причислении к Киргизии четырех волостей Иртышского района и по другим вопросам».

Обнадеживают и даты на обложке: «Начато 12 марта 1921 года, окончено 15 октября 1921 года».

На листах «7» и «7 об.» (т. е. оборот) находим копию телеграммы Е. А. Эшба от 26 марта 1921 года. В ней речь идет о том, «будет ли Советская Абхазия самостоятельной республикой или административной единицей». В начале и в конце карандашные надписи. В них упоминается Наркомнац, говорится, что вопрос рассмотрен на месте во время пребывания т. Енукидзе на Кавказе». 22 апреля 1921 г. телеграмма была направлена в архив.

Некоторые документы Ревкома Абхазии хранятся в том же фонде, опись 2, единица хранения 580 и в других. Все это реликвии времен становления Советской власти в Абхазии, первых шагов государственного строительства. Не все они разысканы. Например, сохранился ли подлинник радиogramмы, посланной Ревкомом Абхазии через батумскую радиостанцию 31 марта 1921 года? Она была адресована В. И. Ленину, И. В. Сталину, Г. В. Чичерину, ревкомам Азербайджана, Грузии, Дагестана, Армении, Горской республики, всем советским республикам, всем, всем всем. Где лежат эти радиogramмы?

* * *

Неизменно прекрасной, как и в дни нашей молодости, осталась природа Абхазии. Но и она похорошела, потому что чудесно обновляется вся жизнь потомков Абрскила и всех, кто живет на абхазской земле в дружной многонациональной семье сограждан великого Советского Союза.

Когда-то Владимир Ильич мечтал поставить на службу народу богатства Ткварчели. Ныне там вырос город. Он мечтал превратить благодатные зоны страны в места лечения и отдыха трудящихся. Ныне воплощением этой мечты являются не только прославленные курорты, такие как Гагра, Пицунда и другие места абхазского приморья, но и вся республика. Достаточно вспомнить, что не стало такого бедствия, как малярия.

Всюду приметы обновления, всюду расцвет!

т. 12. 754

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	3
О незабываемом	5
Диспач	20
Из первой когорты	29
Кузница	35
Казанлыкские розы	39
Раздумья	49
Наставники	58
Сан-Тропе	73
Говорит Сухум	84
Реликвии	89

Михаил Степан-ица Шалашников
АБРСКЫЛ ИХЫЛЦШЫТРА
(ურყშაალა)

მიხეილ სტეფანეს ძე შალაშნიკოვი
აბრსკილის შთაშობავლობა
(რუსულ ენაზე)

Михаил Степанович Шалашников
ПОТОМКИ АБРСКИЛА

Редактор издательства А. Я. Беселия
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор С. А. Гордезиани
Корректоры Ж. И. Гублиа, А. А. Мхитарян

ЭИ00398. Сдано в набор 11.IV.1977 г. Подписано к печати 28.VI.1977 г.
Бумага типографская № 2. Формат 84x108¹/₃₂. Усл.-печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,81.
Заказ 3382. Тираж 3 000 экз. Цена 15 к.

Издательство „Алашара“, Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография № 7 им. Ленина Госкомитета Совета Министров
Грузинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Сухуми, ул. Ленина, 6.

3-25
Цена 15 коп.

ფ. 38/37

T 2.713
3